

ВЕРОНИКА МИЛЛЕР

КРОТЫ

18+

Вероника Миллер

Кроты

«Автор»

2026

Миллер В.

Кроты / В. Миллер — «Автор», 2026

Сверхмощная магнитная буря уничтожила все энергосистемы планеты, и мир погас в один миг. Небольшая община два года выживала среди льдов Заполярья. Когда голод не оставляет ей шансов пережить еще одну зиму, в мертвом радиоэфире появляется голос. Он сообщает о городе, где удалось восстановить электричество, а люди не боятся завтрашнего дня. Возможно, сообщение — смертельная ловушка, но после двух лет во тьме невозможно отречься от надежды, что где-то снова горит свет. Пятеро добровольцев отправляются через разрушенные земли на поиски города. У каждого за плечами не только снаряжение и припасы, но и более тяжелый груз: утраченная вера в людей, вина, скорбь. И главный вопрос — удастся ли обрести будущее тем, кто скован прошлым?

© Миллер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОМЗОНА	5
СИГНАЛ	23
П	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вероника Миллер

Кроты

*Есть у крота секрет,
Известный лишь ему:
Он вечно ищет свет,
Предпочитая тьму.*
Валентин Гафт, «Крот»

ПРОМЗОНА

Там, где раньше властвовал только тундровый ветер, завывая в ржавых трубах и в трещинах бетонных стен, обосновались люди. Старый пищевой завод переродился в иллюзию дома для тех, кому больше некуда было идти.

Пыльный склад завода освещали несколько керосиновых ламп; их света едва хватало, чтобы различить очертания предметов. Трое мужчин пребывали там в тишине, если не считать редкие шорохи мышей и свист сквозняка из приоткрытых ворот. Один из присутствующих — военный дезертир лет тридцати с осунувшимся лицом. Он давно зарос густой щетиной и словно бравировал своим прошлым: все еще носил застиранный армейский камуфляж. Сегодня день учета. Проверка остатков, сверка записей, контроль сроков — вся ответственность по запасам ложилась на него. Кирилл шел вдоль стеллажей, оценивая ассортимент и помечая что-то в блокноте. Заметив прогрызенную дыру в упаковке гречки, он чертыхнулся и потер уставшие глаза.

— М-да уж. Даже мышам скоро нечего будет грызть. Недолго нам всем осталось.

Савелий Михайлович — бывший радиоинженер и нынешний мастер на все руки — в это время возился на стремянке. Он перебирал на верхних полках инструменты и горелый электронный хлам. Савелий оглянулся, нервно поправил очки, перемотанные синей изолентой, и спросил:

— Ну что там? Насколько все плохо?

— А сам не видишь? — огрызнулся дезертир и тяжело вздохнул. — Все очень плохо, дядь Сав. Насчитал шестьдесят четыре тушенки, тридцать две банки рыбных консервов и около семидесяти килограммов макарон с крупами. Пару месяцев продержимся, если повезет.

— Да, негусто, — сдавленно донеслось из-под потолка вместе с дребезгом железок. — А ведь как начинали... Устроились нормально, жили по-человечески. Эх! Проклятая язва, будь она неладна. И что теперь? Опять новые дырки в ремне делать?

— Хоть ты не начинай. Мне уже по горло хватает ваших жалоб. Как будто это я всех отравил или экономлю просто из вредности.

— Кирилл, не сочти, что я попрекаю тебя, но уже давно нужно было что-то придумать. Нельзя ждать до последнего сухаря.

— Да я уже раз сто думал! Честно, я не знаю, что делать.

— Совсем ничего нет на уме? Может, стоит ходоків отправить подальше?

— Стоит. Но это мало чего изменит. На самом деле, я вроде бы нашел вариант, но сомневаюсь, выгорит ли он. Слишком уж это... Ладно. Сегодня собрание проведем, там и выскажу все. Вместе решим. Я не хочу брать это только на себя.

— Ты хотя бы намекни. Опять предлагаешь на север пробиваться?

— План намного масштабнее. Если народ не поддержит, увы, я капитулирую. Сил моих больше нет.

— Выходит, что-то серьезное намечается, — заметил техник. — Ты это... не горячись. Ты за всех переживаешь, и это правильно, но себя тоже беречь надо.

— Спасибо за заботу, — бросил Кирилл с кривой усмешкой.

— Да я ж по-доброму.

Все началось с того, что их небольшая группа обнаружила в окрестностях родного города настоящую сокровищницу. Комбинат, где в прошлом грохотали цеха, а по конвейерам шли тонны мяса и рыбы, затих незадолго до катастрофы. Задушенный интригами чиновников и замороженный бюрократией, он оставил после себя богатое наследство в жестяных оболочках, которое никто не успел списать и утилизировать. Это было не просто везение, а шанс закрепить, ставший одновременно и приманкой: к общине тянулись случайные путники в поисках крова и защиты. С каждым новым лицом комбинат все меньше выглядел мертвым. Выжившие выковали уют из подручного хлама и наполнили завод новым смыслом.

Консервы были главной опорой, но община держалась полтора года и за счет охоты. Тундра с ее лишь кажущейся пустотой кормила щедро. Зверей в ней водилось немало, и вместе с изобилующим складом это создавало видимость стабильности. Пока в июне не ударила аномальная для тех широт жара. Она растопила мерзлую почву, и вместе с талой водой наружу вышло то, что десятилетиями спало в глубине. Спустя пару недель охотники начали находить падаль с черными метками сибирской язвы.

С каждым днем тревога росла. Зараженную дичь отстреливали, туши жгли, соблюдали жесткие санитарные меры. Вот только стараний оказалось недостаточно, и вспышка инфекции все равно прорвалась в лагерь. Сначала пали прирученные олени, а за ними начали уходить и люди.

Запасы к этому времени почти истощились, охоты боялись, а заполярная земля оставалась бесплодной — попытки земледелия всегда оборачивались провалом. Тень голода медленно, но уверенно накрывала промзону, а бывшее изобилие сменилось ожиданием конца.

Савелий Михайлович продолжил бурчать:

— И лекарства, небось, закончились из-за этой дряни.

— Не трави душу, попросил же. Марта сейчас в лаборатории. Жду, когда вернется с отчетом.

Кирилл спрятал записную книжку в нагрудный карман камуфляжа, перевел затравленный взгляд на открытую коробку у этажерки и снова тяжело вздохнул.

— Свечей, оказывается, тоже немного осталось.

Из темного угла донеслись глухая возня и крик. Охранник Степанович, кутаясь в шерстяное одеяло, отложил пожелтевшую газету, почесал седую бороду и прохрипел:

— Керосин и масло пока есть. А вот запас дров надо бы еще пополнить, пока дожди не зарядили.

— Учту, — ответил Кирилл и вздрогнул из-за лязгнувшего об пол разводного ключа. — Да что ты все ковыряешься там?!

— Я извиняюсь, а где у нас хранятся батарейки?

Кирилл смерил строгим взглядом робелого техника.

— Дядя Сава, при всем уважении, для таких вещей нужно разрешение спрашивать. Не самовольничай. Зачем они тебе?

— Ну-у... У меня тоже есть одна затейка, но сначала надо кое-что проверить. Пока до ума не доведу, не хочу раскрывать все карты.

— Допустим. Только больше двух не позволю взять.

— А мне как раз две нужны. На девять вольт.

— Аппетиты у тебя, однако!

— Правда, позарез нужны.

— Ладно уж. Ты человек грамотный, раз взялся, значит, дело не пустяковое. Надеюсь, оно того стоит. Посмотри в коробке с фонариками. Она где-то в третьей секции.

Не успел Савелий поблагодарить, как со скрипом отворилась тяжелая дверь. В проеме показалась девушка с копной длинных рыжих кудрей. Яркая и все еще жизнерадостная, она контрастировала на фоне унылой палитры склада. Казалось, катастрофа и война, положившие конец прежним укладам, — миф, и суровая реальность на пропахшем плесенью заводе не коснулась ее. Марта голодным взглядом окинула пустующие полки высоких стеллажей, что когда-то доверху были забиты продуктами, и упрямо натянула приветливую улыбку.

— Легка на помине, — подметил дезертир. — Что с лекарствами?

— Препаратов от простуды на зиму не хватит. Все антибиотики и жаропонижающие на больных потратили, и мази тоже. Витамины уже давно закончились. Осталась одна упаковка обезболивающего, десяток бинтов...

— Хороших новостей, я так понял, в этом гадюшнике уже не стоит ждать.

— Есть сиропы от кашля, — продолжила она. — Инсулина, корвалола и трав, которые я насобирала, тоже пока хватает, но это все равно никуда не годится, скудный наборчик. И еще есть три литра спирта. Для дезинфекции мы его не использовали, а вот хлорку — подчистую.

— Вот те нате! — Степанович высунулся из-под одеяла, мигом растеряв все равнодушие. — Что же ты, дочка, про спирт-то раньше молчала?

— Ну вот, — Кирилл закатил глаза, — кто о чем, а вшивый о бане. Степаныч, завязывай, давай. Получается, еще и с этого фланга проблема вырисовывается, — добавил он, обращаясь к девушке. — Тьфу ты! Как же меня это все... Ладно, разберемся. Марта, передай всем, чтоб к одиннадцати были в цеху. Собрание будет.

Коротко бросив: «Как скажешь», она тут же удалилась. Огненный всполох погас за дверью, и вместе с ним исчезло мимолетное ощущение живого тепла. Помещение вновь погрузилось в привычные меланхоличность и сырость.

— Кстати говоря, тут есть статья про Бурю эту. Вы знали, что ровно сегодня вторая годовщина? Знаменательная дата! А, может, все-таки того, — старик щелкнул пальцем по горлу, — махнем по маленькой? Хоть чуть повеселее станем, а то у вас физиономии такие угрюмые, ей-богу, смотреть тошно.

Последние недели давили на нервы. Ситуация казалась фатальной, люди смотрели с надеждой, все разговоры возвращались к одному и тому же, мысли ходили по кругу, не давая ни сна, ни покоя, каждое утро встречало одинаковой тяжестью, а терпение Кирилла трещало по швам.

— Никаких «махнем»! — рявкнул он. — Мы еле концы с концами сводим, а тебе лишь бы нахрюкаться! Ты что, решил, у нас тут санаторий с бездонным буфетом? Может быть, тебе еще карту вин подать к ужину? И было бы по какому поводу нажираться! Повеселиться он захотел...

— Понял, сержант, не кипятись, — виновато пробормотал Степанович и спрятался за потрепанной газетой, которую в скуке перечитывал уже в сотый раз.

— Старший сержант! — поправил мужчину.

Раньше время было лишь отметками на календаре, тающими в череде дел и праздников, но однажды привычные порядок и гармония оборвались. Внезапная вспышка на Солнце, в масштабах многократно превосходившая своих предшественниц, породила экстремальную геомагнитную Бурю. И неистовое возмущение магнитосферы Земли парализовало привычный ход вещей.

Колоссальный выброс плазмы не остался незамеченным синоптиками, и катастрофу долго ждать не пришлось. Она грянула через трое суток. Солнечный вихрь был полон бездушия, он мчался только с одной целью — накрыть планету и выжечь все на своем пути. Он не предоставил возможности подготовиться к глобальным перебоям с электричеством, а затем и

к его исчезновению. К тому же большинство людей отнеслось к предупреждениям ученых со скепсисом, предположив, что серьезных последствий ожидать не стоит. А последствия, настигнув человечество, своей грандиозностью застали врасплох даже самых обеспокоенных. Событие Кэррингтона 1859 года, считавшееся апогеем солнечной активности в истории, меркло перед подлинной разрушительной мощью.

Первыми жертвами стали астронавты. Они оказались в ловушке: связь с земными службами исчезла, посадочные капсулы превратились в бесполезные куски железа, а вокруг густилась чернотой бесконечная пропасть. Обшивка орбитальных станций, рассчитанная на штатные нагрузки, была бессильна перед смертоносным потоком ионизирующих частиц. Укрывшись в самом защищенном модуле, люди медленно умирали от лучевой болезни, наблюдая через иллюминаторы, как гасли целые континенты. Земля гибла у них на глазах.

На орбите в одночасье ослепли спутники — индукционные токи выжгли в них электронику. Вслед за спутниками, рухнули все навигационные системы. Компасы сходили с ума из-за нестабильного магнитного поля планеты, а моря и океаны стали лабиринтами. Штормы, обрушившиеся вслед за возмущениями в атмосфере, носились по водной глади с чудовищной силой и разметали корабли. Некоторые из них чудом выбрасывались на мель, а другие натыкались на рифы или сбивались с маршрутов, бесследно исчезая в синей бездне.

За один день случилось несколько тысяч авиакатастроф. Бортовые системы отказывали, на приборных панелях плясали индикаторы, автопилоты отключались. Экипажи бились с мертвыми машинами, и ничто уже не поддавалось рукам человека. Самолеты теряли высоту, уходили с курса, сталкивались или просто падали, не сумев подать сигнал бедствия. С неба срывались огни, оставляя шлейфы дыма на горизонте, и каждый новый такой след означал сотни угасших душ, которых никто не спасет и не оплачет.

На суше было не лучше. Электричество стало непредсказуемым зверем, сорвавшимся с поводка. Взрывы на нефтеперерабатывающих заводах освещали ночное небо адским сиянием, в то время как химические гиганты извергали в атмосферу ядовитые облака. Целые регионы накрывала пепельно-токсичная мгла, от которой в первую очередь задыхались населенные пункты вокруг промышленных зон. Одна за другой выходили из строя системы охлаждения атомных станций, многократно повторились трагедии Чернобыля и Фукусимы. Радиоактивные ветра несли смерть, отравляя территории, где больше никто не рискнул бы жить. Люди метались в поисках спасения, однако бежать было некуда. Поезда встали, автомобили заглохли, а многие города сгорели, оставив после себя лишь обугленный след в истории. Прежние государства потеряли власть, границы их со временем превратились в быль, и теперь территории слились в одну непрерывную зону разрушения.

Экстремальная магнитная Буря буйствовала неделю и за столь короткий срок успела изменить все: порядок, людей, единство, стабильность. *Жизнь*. И в жестких условиях нового мира, обедневшем на безмятежность и блага цивилизации, два года затянулись сединой на волосах тех, кто ранее не знал горя, углубились морщинами на юных лицах и ожесточили взгляды, некогда полные радушия.

В глазах военного смешались усталость, горечь и немое осуждение. Он видел в охраннике человека, воспринимающего происходящее как неудачную шутку, нелепый спектакль, а не как медленное и неотвратимое разложение их мира. Кирилл никак не мог понять, отчего в нем появилась эта неуместная беспечность. Или же то было свойством всех стариков, которым уже нечего терять? Как бы он ни возмущался, отчасти завидовал умению принимать весь этот хаос всего лишь как очередной виток истории.

Снова зашумел Савелий, звякнула упавшая жестянка. Кирилл с перепуга вздрогнул, молча пнул ее и, прихрамывая, направился прочь. Дел у него, как всегда, было невпроворот.

Внушительных размеров промышленный комплекс расположился близ безжизненной реки. Узкая и неглубокая, в здешнем климате она большую часть года оставалась скованной льдом, а сейчас только начинала прихватываться тонкой коркой у берегов. Территорию окружал высокий бетонный забор с колючей проволокой, смыкающийся у ржавых ворот пропускного пункта.

Марта шла к дозорным на КПП. Сентябрь в Заполярье никогда не баловал милосердием: промозглый осенний ветер бил в лицо, принуждая поплотнее запахнуть куртку и спрятать подбородок в воротник.

На посту у ворот чернела площадка с бочкой, в которой по вечерам разводили огонь. В небольшом помещении несколько мужчин грели зябнувшие пальцы о металлические кружки с кипятком. В углу примостились и трое ходоков — так в промзоне называли связующее звено между безопасным лагерем и внешним хаосом.

На их плечи ложилась самая тяжелая работа. В теплое время года они прочесывали заброшенные деревни в поисках уцелевших припасов и заготавливали дрова — ценнейший ресурс, без которого невозможно было пережить долгие месяцы заморозков. Поскольку деревьев в округе не росло, они уходили за километры к редким полосам лесотундры через топи, буреломы и бескрайние просторы пустошей, валили сухостой и тащились назад с пудовыми вязками. А когда даже самые большие запасы истощались под конец зимы, им приходилось пробиваться через глубокие сугробы и слепящие метели. Из таких ходок они всегда возвращались измотанными, с потерями, и с каждым разом рисковать собой им становилось все тяжелее.

Сегодня вылазок не намечалось, и ходоки помогали охране с дежурством — а точнее, трепались с ними от скуки. Глубокие тени под глазами выдавали их усталость.

— Кирилл к одиннадцати собирает народ, — предупредила Марта, заглянув в открытую дверь будки.

Дозорный Толик кивнул в ответ, пыхнув самокруткой, и продолжил усердно доказывать что-то остальным мужчинам.

Дальше Марта направилась к пищеблоку. Заводская столовая в нынешнее время использовалась так же, как положено ей использоваться вне зависимости от ситуации. На кухне кипела работа. Кухарки, сутулые и красные от пара, выжимали максимум из скудных запасов: мешали консервы с крупами, разваривали в кушую похлебку сублимированные овощи, отсчитывая все по граммам. На подхвате у них сустились бывшие охотники, переквалифицировавшиеся в собирателей. Они перебирали ягель, грибы и ягоды, которые добыли в последнем походе, чтобы затем высушить у печи и хоть немного пополнить кладовую. Иногда в походах им все-таки выпадала удача подстрелить несколько куропаток — пожалуй, единственную дичь, которую еще рисковали употреблять в пищу.

Поварам сейчас уже было не до демонстрации своих талантов. А ведь раньше, когда о кулинарном искусстве еще можно было думать, повара соревновались друг с другом, стараясь утешить жителей промзоны после Бури. Наиболее ярко их старания проявлялись по праздникам. В такие дни пищеблок преображался: стены украшали мишурой, люди доставали нарядную одежду, столы ломились от еды, за ними произносились тосты и разливался смех, а песни не смолкали до рассвета. Тогда казалось, беды остались где-то там, за воротами, а в столовой пылала привычная, теплая жизнь.

Сейчас о пиршествах уже никто не заикался. Если раньше застолья спланивали людей, то теперь лишняя ложка каши вызывала зависть и ругань. Особенно настороженно относились к поварам. Любое их движение трактовали с подозрением, а кухарка Ольга с ее выдающимися формами стала главной мишенью для сплетен. Стоило ей поправить передник, как за спиной уже шептались о воровстве.

И озлобленность была понятна: ели всего раз в сутки. Обеды стали молчаливыми ритуалами, где постукивания ложек по тарелкам казались оглушительными. В эти серые минуты аромат горячей каши или травяного отвара был единственным, что имело значение. Люди жадно втягивали ноздрями пар над мисками, прежде чем сделать первый глоток. Упавшую на стол крошку тут же слизывали — ни одна частичка пищи не должна была пропасть даром, а лишний кусочек сахара или припрятанную горбушку хлеба съедали в темноте, под одеялом, боясь поймать на себе чей-то тяжелый, голодный взгляд.

— В одиннадцать всем быть в цеху. Собрание.

Ольга, не отрываясь от шинковки, буркнула:

— Ой, не к добру это... Не дай боже, снова экономию будем обсуждать. Чую, народ скоро не выдержит, бунт поднимется.

— Может, наоборот, Кирилл хорошими новостями порадует? Зачем сразу о плохом думать?

— Тебе-то хорошо рассуждать, ты у нас при лазарете! А нам с поварешкой на передовой стоять, когда люди с ума сойдут! Мы первые поляжем вместе с этим Кириллом! Иди куда шла, не умничай тут.

Марта проглотила подступившую обиду и, ничего не ответив, направилась к выходу.

Двухэтажный дом, ранее служивший общежитием для иногородних рабочих, подавал признаки жизни приглушенными голосами, скрипел половицами, дышал ароматом согревающего чая. В нем ютились немногие. Здесь поселились те, кому по каким-то причинам не нашлось пространства в муравейнике цеха, и те, чей статус предполагал отдельное, более спокойное проживание.

Из-за отсутствия возможности развести костер в общежитии было намного холоднее, чем в цеху. Щели в окнах были забиты тряпками, но стужа все равно по-хозяйски гуляла по коридорам. Марта сначала прошлась с объявлением по первому этажу, затем, поднявшись по деревянной лестнице на второй, принялась по очереди стучаться во все двери. Здесь люди не привыкли попусту сотрясать воздух, потому приняли распоряжение без лишних вопросов и ворчания.

Завершив обход общежития, Марта направилась к главному цеху. Громоздкое здание возвышалось в самом центре комплекса и служило главным пристанищем для большинства жителей.

Осенние дожди, промозглые ветра и суровые зимы разрушали бетон, и сейчас бригада рабочих заделывала трещины и бреши в стенах. Наверху еще несколько человек латали худую крышу, стуча молотками по железным листам и доскам. Им приходилось спешить: никто не знал, когда ударит первый серьезный буран, способный превратить дырявый цех в ледяную ловушку.

Марта окликнула ремонтников и, стараясь перекрыть грохот, громко передала им слова руководителя. Один из рабочих едва успел перехватить улетающую фанеру и крикнул ей:

— Ох, м-мать! Черт бы тебя побрал, Марта, чуть по башке тебе не прилетело! Нечего лазить здесь!

— Извините, пожалуйста!

Марта даже не нахмурилась. Злиться на уставших, голодных людей у нее не было причин.

Толкнув тяжелую дверь, она вошла в гулкое нутро цеха. Жители превратили его в мозаику из матрасов и диванов, возведя перегородки из досок и занавесок, за которыми пряталось подобие личного пространства. В каждой закутке осели следы былого: детские рисунки, вырезки из журналов, старые фотографии, ковры и случайно найденные безделушки. Они придавали уют серому бетонному кубу и обозначали границы, которые здесь уважали не меньше, чем настоящие стены.

Тесные проходы между секциями заменяли улицы; Марта шла по ним, заглядывая в «квартирки» и проходя мимо рабочих, забежавших на короткий перекур — греть занемевшие пальцы у горящих бочек и буржеек, которые растапливали всем, что горело. Население заметно сократилось, и некоторые закутки остались без хозяев. Вещи там лежали нетронутыми... Видно, никто не смел посягнуть на чужое прошлое.

Марта заметила, что навалившийся голод подчинил себе отлаженный ритм общины. Незаметно исчезло все лишнее: движения стали расчетливыми и медленными, разговоры — короткими. И главной задачей теперь было не обустройство быта, а банальное сохранение жизни в слабеющих телах. Завод все еще жил, но пульс становился все более тихим.

Марта тоскливо вздохнула и направилась в последнее крыло здания — на свое рабочее место. Будучи медсестрой, она с парой врачей переоборудовала микробиологическую лабораторию в полноценный лазарет. Как только она вошла внутрь, в нос сразу ударил тяжелый запах едкой хлорки, которой заливали пол, и густой аромат сушеных трав. В первом кабинете пробирки и колбы давно уступили место медицинским справочникам и препаратам, добытым ходаками в рискованных вылазках, а на подоконнике сушились пучки целебных трав. Дальше по коридору угадывалась операционная, а за ней — палата.

Во время эпидемии сибирской язвы Марта посменно с другими врачами дезинфицировала помещения, готовила отвары, колола антибиотики, обрабатывала гнойные нарывы и карбункулы, делала перевязки по несколько раз в день, в перерывах терпеливо слушала жалобы стариков на воображаемые хвори, пока к ночи не падала с ног. Эпидемия уже отпустила их, и безумные смены наконец-то закончились. Все старое постельное белье вместе с матрасами несколько дней назад отправилось вслед за телами инфицированных — в огонь. Глядя на опустевшие койки со свежими простынями, Марта все еще видела лица тех, кого не удалось спасти.

Она смахнула наваждение, передала коллегам весть и тяжело опустилась на стул у своего стола. Последняя точка в ее маршруте была поставлена.

К одиннадцати утра немногочисленное население промзоны томительно ожидало начало собрания в помещении цеха, переделанном под актовый зал. Их лица, когда-то довольные и упитанные от обилия дичи и консервов, смешались в серую массу, высохшую и измотанную долгим выживанием. При виде вошедшего Кирилла, который, к его несчастью, стал руководителем, все тут же бросилось осыпать его вопросами, соединяющимися в нервный пчелиный гул. Кирилл дохромал до самодельной кафедры, басистым голосом гавкнул: «Тишина!», и, дождавшись, когда гомон стихнет до последней пчелы, начал:

— Итак, друзья, новости плохие. Ситуация с продовольствием с каждым днем ухудшается, и совсем скоро наши запасы подойдут к концу. Поэтому придется затянуть пояса еще туже. — Он прочистил горло, заглушая первый ропот. — С сегодняшнего дня раздача снова сокращается вдвое. Каждому будет выдаваться по полпорции раз в день.

— Половина порции?! — выкрикнули из толпы. — Это же издевательство!

— А дальше что, командир? На солнечную энергию перейдем, как растения?

— Детям тоже полпорции?

— Ты вообще собираешься проблему решать или только пайки урезать будешь?!

— Мы тут подохнем раньше, чем ты выход найдешь!

— Погодите! Не спешите устраивать истерику! Думаете, мне это в радость? Очередное урезание пайка — вынужденная мера, согласны вы или нет. Но я понимаю, что долго мы так не протянем. Нужно что-то менять, причем кардинально. — Кирилл замолчал, постукивая пальцем. — Я долго думал, что нам делать, и... кажется, нашел один вариант. Не знаю, как

вы отнесетесь к этой идее, может, она и глупая, но, я думаю, что это единственное решение проблемы. Нам нельзя здесь оставаться. Пора бросать это место и искать новый дом.

Его слова повисли в воздухе вместе с тяжелым запахом лампадного масла. Люди переглядывались, и никто не спешил с ответом. В их взглядах застыло недоверие, испуг и то самое знание, от которого не отмахнуться.

После Бури на карте еще оставались пятна, где последствия сверхмощной электромагнитной индукции были чуть слабее и инфраструктура еще какое-то время держалась. Тысячи беженцев тянулись туда караванами, надеясь обрести хоть какой-то покой, но даже там спустя время возник бедлам. На территориях, считавшимися одними из самых стабильных, правительство не справлялось с непрекращающимися бунтами, что сначала вспыхивали локально, а затем плавно перетекли в открытую революцию. Страна, державшаяся на иллюзии контроля, разваливалась шаг за шагом, площадь за площадью. Политики пускались в бега или прятались в бункерах, а озверевшая толпа взяла судьбу государства в свои руки. Общество там раскололось на четыре основные группы.

Первые носили форму, подчинялись остаткам власти, держались за устав и флаг, которые уже выгорели. Они занимали административные здания, выставляли блокпосты, вводили пропуск и комендантские часы, пытались сохранить границы распадающейся территории. Когда народ в панике штурмовал очереди с раздачей питьевой воды, склады, магазины и рынки, солдаты впервые поднимали оружие не на врага, а на тех, кого еще вчера называли «своими». Доверие к военным было нестабильным. Одни видели в них последнюю линию порядка, единственную силу, способную удержать страну от коллапса. Другие считали их палачами, что оправдывали стрельбу по гражданским «вынужденной мерой», якобы призванной унять беспорядки, а на деле множившей ярость. Все же чем чаще звучали выстрелы, тем меньше оставалось желающих верить в их защитную роль, и тем отчетливее форма воспринималась как мишень или знак угрозы.

Вторые — повстанцы — не простили руководству страны беспомощность во время чрезвычайного положения. Их ядро сложилось из тех, кто потерял близких в давке, в пожарах и под обстрелами. К ним быстро примыкали новобранцы, озлобленные и готовые к действию. Каждый сожженный блокпост казался им шагом к справедливости и доказательством того, что прежняя система уже не контролирует происходящее. Они марали стены лозунгами, срывали погоны с убитых офицеров, превращая символы власти в трофеи. Их вера была проста и страшна: чтобы построить новое, надо доломать старое. С каждым днем эта логика требовала все больше огня, все больше крови и все меньше сомнений, а грань между возмездием и бессмысленным разрушением становилась неразличимой.

Мародеры выживали не вопреки беспорядкам, а благодаря им. Промышляя в одиночку или сбившись в своры, они выжимали из мира последние капли. В условиях беззакония у них не было ни жалости, ни тормозов, а только инстинкты. Они избегали лишнего риска: не ввязывались в бой, где могли получить отпор, но набрасывались без предупреждения на тех, кто казался им уязвимым. Их называли падальщиками, шакалами, головорезами, и встреча с ними обычно не оставляла свидетелей.

Были и безучастные, мирные люди, такие, как жители промзоны. Они так же собирались в общины и занимали территории подальше от чужих глаз. Они не искали власти, не верили в перерождение, не надеялись на спасение, делили еду поровну и старались продержаться хотя бы еще один день. Их повседневность текла неспешно, с осторожностью и расчетом, а спокойствие оставалось обманчивым.

Все знали, что за искореженным забором промзоны лежат земли, потрепанные войной, дороги, где могут запросто убить за ресурсы, разоренные города-призраки, степи, в которых ветер гоняет радиоактивный пепел.

— А если с нами что-то случится? — кто-то неуверенно отозвался, точно боялся потревожить тишину.

— Да нас же перегрызут, как собак! — выкрикнул мужчина, вскакивая с места. — Там бандиты, мины, радиация. А вдруг и там тоже жрать нечего, кроме крыс?

Крики снова слились в удушливую какофонию. На голову давило все сразу: бесконечные вопросы, страхи людей, обременительная ответственность за их жизни. Кириллу казалось, что еще миг — и он утонет в этом людском рое. Он тяжело выдохнул, словно пытался вытолкнуть из себя груз вместе с воздухом, сжал кулаки и выпалил, стараясь перекричать толпу:

— Послушайте! Да, снаружи опасно, и я это прекрасно понимаю! Я сам боюсь этого решения не меньше вашего. Но посмотрите вокруг: разве здесь лучше? Там мы можем погибнуть от пуль, от несчастного случая, от чего угодно, но ведь это не факт. А если останемся здесь, то помрем наверняка. От голода, или от морозов, или от очередной эпидемии. И я не знаю, что из этого хуже. Мы можем и дальше от страха цепляться за эти стены, а можем рискнуть и поискать место, где земля еще способна что-то дать.

— Как мы вообще переселимся? Пешком, что ли? Со стариками да с ребятей? Да мы ноги в кровь собьем! — в этих словах звучало больше отчаяния, чем злости.

— Дед Егор с его ногами и до ворот не доковыляет. Вы что же, слабых здесь бросите или прикажете нам их на загривках нести?

— Ничего, дойдем, — попробовал успокоить Кирилл. — Будем двигаться небольшими переходами. Возьмем телеги, погрузим вещи и тех, кому тяжело самому идти.

— А куда мы пойдем?

— Гораздо южнее. Туда, где лучше погодные условия, и дичь нормальная водится, и землю возделывать можно. Там у нас будет хоть какой-то шанс. Если примем единогласное решение в пользу миграции, тогда выберем наиболее выгодное место. Отправим группу на разведку. Узнаем, что там и как, и только потом отправимся в путь всей общиной.

— Почему бы не вернуться в город? Там наверняка еще можно что-то найти! — воскликнула исхудавшая женщина. Младенец в ее руках зашевелился под ворохом тряпья. Одни посмотрели на женщину как на прокаженную, другие — с жалостью.

— Ни в коем разе! — Кирилл потер переносицу, скрывая дрожь в голосе. — Большую часть города контролируют банды отморожков. Забыли, чем закончилась вылазка месяц назад? А я напому, что Михея и Гарика больше нет. Не в наших силах грызться с ними за город, так что, этот вопрос закрыт.

— Скоро заморозки ударят. Опасно идти сквозь пургу.

— Вот-вот! Окоченеем по дороге.

— Здесь у нас хотя бы стены! Мы их знаем, мы их обжили. А там что? Чистое поле? Пока мы землянки рыть будем в мерзлой земле, нас первый же буран слижет.

— Мы столько вложили в этот завод! И теперь все бросить? Чтобы прийти на новое место и начинать с нуля, когда у нас ни инструментов нормальных нет, ни здоровья?

— Стоит рискнуть, — Кирилл замялся, подбирая слова и отбивая ногой быстрый ритм. — Как уже сказал, я не вижу других вариантов. Если у кого-то есть план получше, поделитесь со всеми.

Люди приступили к возбужденному обсуждению. Кто-то накидывал заведомо провальные идеи, которые тут же аргументированно обрывались кем-то другим, и спор не успевал толком начаться, как уже сменялся новым. Пара бабушек сетовала о скорой кончине в голодных муках, а рядом стоящий дед, махнув рукой, отчитал их: «Типун вам, курицы старые! Не дрейфь, прорвемся!» Его грубоватая бравада вызвала нервный смех у одних и раздраженные замечания у других. Дети подхватили настроение взрослых и захныкали, не до конца понимая сути происходящего. А несколько человек, стоявших в стороне, молча обменивались обреченными взглядами или уставились в никуда, понимая, что в этом гвалте истина не родится.

— Может, вместо охоты на крупных животных полностью перейдем на птиц? — предложил парень в робе.

— Это ж сколько птиц понадобится, чтобы ораву прокормить! — парировал сутулый старик. — Мы за день столько сил на охоте оставим, сколько в том мясе нет.

— Да и не осталось их почти. Мы, похоже, уже попортили им популяцию, — согласился кто-то из толпы.

— А к морю, как раньше думали? Почему не на побережье? — подал голос кто-то из задних рядов. — Идти-то всего ничего, и всегда с рыбой будем!

— Далось тебе это море! — разозлилась местная кухарка. — Сто раз говорено: гиблое место. Рыбы там хоть отбавляй, да только и медведей — на каждом заструге по морде.

— И Ледовитый — это вам не шутки. Ветер там такой, что плоть от костей отрывает.

— А если на югах ничего не выйдет? Вдруг не найдем пригодного места? Что тогда будем делать?

— Надо что-то другое придумать! Это настоящее безумство! Если на нас нападут, мы и отбиться не сможем.

— У нас сил не хватит даже сотку километров пройти, какое там — отбиваться! У нас вообще уже ни на что не осталось сил.

— Я никуда не пойду! — зашлась в истерике женщина с младенцем, и ее поддержал яростный гул. — Ты нас на убой поведешь, Кирилл!

— Уж лучше здесь, дома, помереть, чем от рук всяких нелюдей!

— Командир, сам иди, если жить надоело!

— Мы детей по морозу не потащим!

На него посыпались обвинения и проклятия, будто действительно он был во всем виноват. Воздух в помещении стал совсем тяжелым. Кирилл смотрел на искаженные злобой и отчаянием лица, и казалось, что весь кислород выгорел. В груди давило, а воротник стал тесен.

Больше невозможно было это слушать. Кирилл с размаху обрушил кулак на кафедру. Тяжелый удар заставил всех замолчать.

— Хватит! — его голос сорвался в хрип. — Мы полтора года держались за эти развалины, хоронили своих и верили, что все не зря! И что теперь? На что вы надеетесь? Что помощь с небес упадет вам на головы? Еда, лекарства, витамины — думаете, их кто-то принесет вам? Признаюсь честно: этот завод уже изжил себя, мы все из него высосали. Запасов осталось на два месяца. Дальше нас ждет самое тяжелое испытание в жизни. Сначала мы доедим последних крыс. Потом начнем грызть кожаные ремни. А когда закончатся и они, будем жрать друг друга.

Он отдышался и продолжил:

— Говорите, нет сил искать новый дом? Бойтесь за детей и стариков? Так знайте: если мы останемся, у вас не будет сил даже на то, чтобы вырыть им могилы. Я не обещаю вам спасения. Не дам никаких гарантий. Но одно я знаю точно: жизни здесь больше нет. Хотите верить в чудо — верьте. А я уйду. С вами или без вас.

Кирилл замолчал. Было слышно только, как кто-то кашлянул, как поскрипывают доски, как ветер воет и гоняет мусор снаружи. Люди не смотрели друг на друга — они смотрели в пол, переваривая услышанный приговор. Никто не решался снова спорить, но и с поддержкой не спешил — все держались за призрачную надежду придумать другой путь, где не придется рисковать.

— Ну так что? Мы уходим?

Как ни страшно было признавать, каждый понимал, что руководитель прав.

Савелий Михайлович встал со стула. Он оборачивался на других, искал в них опору. Сглотнул и произнес робкое «да». Оно прозвучало не как согласие, а скорее как признание поражения. Люди, почуввав чужую решимость, нашли в себе остатки собственной. Его поддержал один, второй, третий, прорвалась плотина, и потянулись другие голоса. Страх перед ледя-

ной пустыней наконец-то проиграл страху перед тем, во что они превратятся, если останутся здесь.

Кирилл облегченно выдохнул.

— Значит, так. Я знаю, что пайки срезаны до предела, но сейчас это лучший способ выиграть время для подготовки. Потерпите. Каждый сэкономленный грамм крупы — это лишний километр, который мы сможем пройти. А в дороге мы не будем прохлаждаться: утвердим группы заготовителей, будем искать дичь и схроны. Там шансов найти еду в разы больше, чем здесь. Прямо сейчас я пойду к себе. Буду прикидывать маршруты и искать место, которое станет нашей надеждой. Как только я буду уверен, соберемся снова и утвердим точку на карте.

А пока... Работаем. Нужно прошерстить дальние села, где мы еще не бывали. Может быть, удастся найти что-нибудь полезное в дорогу. Ищите все: медикаменты, топливо, сумки, брезент... Нам нужно снаряжение, которое не развалится через два дня пути. Задача должна быть выполнена как можно скорее. Желающие отправиться на поиски остаются, остальные могут расходиться.

Кирилл пригласил добровольцев подойти к нему, и это приглашение внезапно распугало всех. Люди отступали от бывшего военного, продолжая смаковать свое депрессивное положение. Никто не горел желанием ставить себя под удар, отправляясь в неизведанные деревни. Еще полгода назад откликнулось бы с пару дюжин крепких ребят, но сибирская язва, голод и прошлые морозы не пожалели многих из них. Тройка ходоков, привыкшая таскать дрова из лесотундры да обходить знакомые мирные развалины, так же спешно исчезала из поля зрения руководителя.

Остался только один из последних. Мужчина по кличке Монгол, с осуждением оглядывая поредевшую толпу, заметил высокого парня, не разделявшего общей суеты.

— Сань! — окликнул он. — А ты чего? Со мной не пойдешь, что ли?

Бритоголовый детина в перепачканном спортивном костюме обернулся и сказал, как отрезал:

— Найди кого-нибудь другого. Пока погода нормальная, кто вместо меня дерево валить пойдет? Полудохлая пенсия? Бабы или малышня? Да и у дяди Савы в мастерской куча работы.

— Да-да, дрова, дела... Еще надо трусы заштопать, да носки погладить.

— Кто-то же должен работать, пока ты в юморе практикуешься, — флегматично отозвался Саша.

— Так я ради тебя стараюсь, чтоб ты хоть раз улыбнулся! — захихикал Монгол и тут же перешел на каркающий кашель.

— Смотри, не рассыпся до похода, чахоточный.

Кирилл растолкал плечом парочку зевак и приблизился к парням. Ему было явно не до смеха.

— Сашко, Монгол хоть и дурной, а все же прав. Как он один пойдет? Вдвоем хоть сколько-то безопаснее будет. А насчет дров и Михалыча не волнуйся, найду кого припахать.

— И кого же? — Саня скрестил руки на груди, глядя на Кирилла сверху вниз. — Здесь у половины руки из задницы растут, а вторая половина и так при деле.

— Отвлекутся на несколько дней, ничего страшного не случится.

— Ага, скажи это им. Потом сам же будешь слушать их нытье.

— Справятся. Не маленькие.

— Да и дядя Сава вряд ли меня отпустит. Он чужим инструмент не доверяет.

— Я поговорю с ним.

— Ну, не знаю...

Кирилл грузно опустился на деревянный ящик, потирая беспокойное после травмы колено, и посмотрел на него испытующе.

— Мне больше не на кого рассчитывать. Как видишь, герои здесь особо не водятся.

Саша цокнул языком, потоптался туда-сюда, борясь с собственным упрямством, смерил взглядом сипло кашляющего Монгола.

— Тебе только в дальний маршрут и собираться, — качнул он головой. — Так и быть, уговорили. Кому-то же надо за тобой присматривать.

Он протянул широкую мозолистую ладонь будущему напарнику. Монгол довольно осклабился и крепко ее пожал.

— Вот так бы сразу, а то строил из себя важного работягу. Я уж подумал, тебя за шкуру придется тащить.

— Поговори мне еще, — Сашко шутливо пригрозил кулаком и наконец усмехнулся.

Айза возникла рядом так тихо, что все вздрогнули. Бесшумная поступь — привычка, за которую одни находили Айзу удобной, а других она раздражала. На фоне остальных жителей ее выделяли не только крайне болезненный вид и узкий разрез глаз, но и тяжелый, цепкий взгляд, словно она все время выискивала жертву. И в очередной раз ею стал дезертир.

— Почему ты сам в рейд не идешь? — протянула Айза.

— Я со своим коленом такое расстояние не потяну.

— Какой удобный аргумент.

— Увы, ничего не могу с этим поделать, — ответил он, сумев сохранить бесстрастность.

— А как переселяться собрался? Тебя тоже на телеге тащить будем? Или, наверное, в паланкине. Чтобы сразу было видно самый ценный груз.

Кирилл поднял на нее утомленный взгляд и, не меняя тона, ответил:

— Ты что, в носильщики записаться хочешь? Боюсь, силенок не хватит. Лучше покажи мне пример: вещмешок за спину — и вперед. Все равно ничем не занимаешься целыми днями.

— Вот как? Ничем не занимаюсь? Твоя правда. Знаешь, а я не против проветриться. В кои-то веки выдал неплохую мысль. Пойду собираться.

Она произнесла это слишком легко, будто решение ничего для нее не значило. А в душе зашевелилась досада от того, что повелась на такой дешевый трюк, и теперь ей придется на несколько дней покинуть мрачное, но по-своему уютное гнездилище.

— Ну... молодец, — растерялся Кирилл.

Монгол прыснул:

— Главное, чтоб тебя саму тащить не пришлось. Или ловить по ветру.

Айза не стала комментировать обидную шутку, лишь недобро прищурилась и так же тихо ускользнула в тень дверного проема.

А мужчины коротко обсудили маршрут, прикинули возможные трудности и тщательно распределили, кто и что возьмет в дорогу. Списки вышли непритязательные, но выверенные: от еды и воды до мелочей вроде компаса и спичек. Решили выходить сразу после сборов — дело было серьезным и не терпело отсрочки.

В тесной и холодной угловой комнатке общежития Саша собирался в дорогу. Населял он ее в гордом, выученном одиночестве. Здесь не было ничего лишнего, и каждый предмет он знал до последнего пятнышка. На прикроватной тумбе хранились пожелтевшие письма и открытки, перехваченные бечевкой. Саша присел на край продавленного матраса, достал верхний конверт с загнутыми углами и провел пальцем по строчке с именем адресата. Губы сомкнулись в тонкую линию, лоб сморщился, и через секунду письмо вернулось на место. Он уже несколько раз собирался сжечь кипу, но рука так и не поднялась бросить прошлое в огонь.

Покончив с воспоминаниями, Саша вернулся к сборам. Как самый крепкий в компании, он без возражений взял на себя все тяжелое. В рюкзак отправились увесистая пачка риса, сбитый в комки спальник, бутылки с водой, очищенной кустарными фильтрами, и чугунный котел.

лок с остальной посудой. Он немного задержался, проверяя, не забыл ли что-то важное, и поднялся с кровати. В глазах сразу потемнело. Саша оперся о край стола, в ушах тонко и назойливо звенело. Спустя пару секунд туман неохотно отступил, возвращая четкость контурам комнаты. Он глубоко выдохнул, натянул рюкзак. Груз потянул назад, лямки впились в плечи. Он поправил их, подгоняя вес, и направился к выходу.

Но не успел сделать и пары шагов, как тут же нарвался на неприятности. Распахнулась дверь, с грохотом ударившись о стену, и в помещение влетел сорванец с ржавой шевелюрой. Захлебываясь в волне энтузиазма, он затараторил так, что моментально заполнил собой все пространство:

— Возьмите меня в город! Я пригожусь, вот увидите. Я могу сумки таскать, с картой сверяться или в разведку сбегать. Еще могу костер развести, еду сварить, воду найти. Если на банду наткнемся, то я все порешаю. Я меткий стрелок, между прочим. И вообще, я пронырливый, быстро бегаю, мало ем, и ночью могу дежурить, чтобы вы спокойно спали. И еще я...

— Стас! Тормози. Минуты не прошло, а у меня уже башка распухла. С чего ты взял, что мы в город? Ты был на собрании или опять где-то без толку шатался?

— У меня живот прихватило от кулинарных изысков бабы Тани. Мне этот вареный ягель уже поперек горла стоит.

— Ты скорее ворованной тушенки налопался, от мук совести и скрутило.

— Наглая ложь! Да и что мне делать на этом собрании? Я уже вынюхал информацию и знаю, что мы переезжаем. Еще Андрей мне сказал, что услышал от кого-то, что вы в город идете. А еще, что ты Монголу наваял. Правильно! Давно пора. Он мне как-то подзатыльник влепил типа за то, что Марту донимал. Я и сам хотел с ним разобраться, но, думаю, ты не хуже меня справился.

— Поменьше слушай своего дружка. Такой же балбес, как и ты. С Монголом у нас все нормально, и не в город мы идем, а по деревням.

— Вот блин! А я понадеялся на приключения. Хотя деревни тоже сойдут.

— Какие тебе приключения! Чтобы потом рыжая мозги мне вынесла, если ты поцарапался?

— А я с ней уже договорился, между прочим. Она не против.

— Кому ты чешешь? Так я и поверил, что Марта тебя от своей юбки отпустила.

— Я, по-твоему, у нее на поводке? — Стас фыркнул. — Я вообще-то сам решаю, куда мне идти и что делать. Ну... почти сам.

— Самостоятельный, значит? Слушай сюда, самостоятельный. Ты даже здесь палец о палец не ударяешь, только и знаешь, что бездельничать на казенных харчах. В дороге будешь только под ногами путаться.

— Да здесь делать нечего! И без меня смогут шваброй помахать или ржавчину соскрести. Я не пацан зеленый, чтобы дома с бабами сидеть! Мне уже пятнадцать, между прочим, — Стас вытянулся, стараясь казаться выше.

— Тем более должен соображать. Все! Прочь с дороги.

Сашко с легкостью ухватил подростка под мышки, как котенка. Тот с потоком гневного бормотания задержался и замахал руками, а парень выставил его за порог и щелкнул замком. Только он собрался покинуть общежитие, как в спину посыпалось обиженное:

— Ну и катитесь! Я сам себе команду найду! И хабар найду — лучше вашего! Пожалее еще!

Саша закатил глаза, мысленно досчитал до трех и обернулся.

— Я придумал тебе задание. Очень важное и опасное. Справишься — считай, зарекомендовал себя. Сгоняй к Айзе, передай, чтобы не забыла двустволку и ждала нас у ворот.

— Серьезно? — Стас поморщился так, как если бы сунул руку в ведро с помоями. — Ничего получше нельзя было придумать? Что-то я не хочу оставаться с ней наедине. Стремная она какая-то.

Саша не стал дожидаться новых жалоб и тяжелым медведем потопал прочь от настырного подростка. А последнему не оставалось ничего другого, кроме как вздохнуть, пнуть со злости стену и поплестись выполнять поручение.

Нелюдимая Айза жила в пустующем здании администрации. Она организовала укромный уголок в одном из кабинетов, на двери которого висела табличка с надписью «Отдел снабжения». О ней знали ровно столько, сколько она позволяла знать, остальное оставалось за плотно зашторенными окнами и закрытой дверью. Раньше она была охотницей, а сейчас выходила из кабинета лишь за пайком или для редких, коротких разговоров, и каждое ее появление на людях было вынужденным перерывом между долгими часами одиночества.

Бурча под нос про «дуру Айзу», Стас побрел между покосившимися бараками и технологическими установками. Ноги сами несли его к административному корпусу. По обе стороны тропинки тянулись сухие сорняки. Ветер лениво перекачивал пустые пакеты, а где-то впереди перекликались на порывах осколки бутылочного и оконного стекла. Никто здесь и не планировал навести порядок. Низко тянулось серое небо, просачивались сквозь облака тусклые лучи, и картина складывалась нерадостная.

На полпути он заметил шевеление за дверцей контейнера. Стас сразу узнал поношенную кофту сестры — она явно от кого-то пряталась. Мальчишка незаметно юркнул за соседний контейнер и принялся наблюдать. Марта сидела на корточках, прислонившись спиной к металлу, и сосредоточенно развязывала тряпичный узелок. Достала откуда куски вареной куропатки и, озираясь, протянула их упитанному полосатому коту. Тот притаился в тени и принимал подношение на диво аккуратно, словно понимал, что лишний шум тут ни к чему.

— Ага! Попалась! — выпалил Стас, выпрыгивая из засады.

Марта взвизгнула, едва не растеряв угощение, а кот с ядовитым шипением и распушенным хвостом удрал в сторону ржавых труб. Сестра испуганно обернулась; на белых веснушчатых щеках проступил румянец, будто ее застали за чем-то неприличным.

— Ну, привет, покровительница бездомных, — сказал Стас, высматривая, куда умчалось животное.

— Ты что творишь?! — возмутилась она, прижимая узелок к груди. — Зачем же так пугать? Меня чуть Кондратий не хватил!

— Вот, значит, чем ты занимаешься в свободное время. Подкармливаешь своих тайных толстопузых друзей!

Марта в панике замахала руками:

— Тише ты! Никому не рассказывай! Если узнают, представляешь, что со мной будет?

— Ну ты даешь! Пока все голодают, ты еду разбазариваешь. Это же чистое крысятничество.

— Стас, я серьезно, — она нахмурилась. — Мне так жалко его, пушистика, он совсем один. И вообще, Васька делом занят. Сбежит он — и крысы весь склад обнесут, вот увидишь. Я стратегическую проблему решаю, ясно? И подкармливаю со своего пайка, чужое не беру.

— Ну-у, — протянул он, нарочито снисходительно. — Даже не знаю. Я подумаю...

Марта замялась, а потом сунула ему остатки куропатки.

— На! Жуй и помалкивай.

— Вот это другой разговор, — Стас сглотнул, принимая взятку. — Ладно, мне пора. Дела, знаешь ли. У меня важная и очень опасная миссия. Даже не спрашивай какая — под пытками не выдам.

При слове «опасная» сестра мгновенно переменялась в лице. Она шагнула ближе и принялась судорожно застегивать куртку, которую он вечно носил расхристанной.

— Какая еще миссия? Куда ты вызвался? — в ее голосе звенящей струной натянулся знакомый страх. — Только не говори, что ты собрался с ходоками... Никуда ты не пойдешь!

— Да нормально все, Марта, отвали! — Стас брезгливо дернул плечом, высвобождаясь из ее рук.

Он спрятал сверток и, как можно быстрее, умчался, оставив растерянную сестру позади. Из-за труб показался кот. Нервно подергивая хвостом, он проводил мальчишку долгим, внимательным прищуром.

Через минуту Стас уже стоял у одноэтажного здания. Когда-то ярко-желтые стены выцвели и облезли, в трещинах фасада чернели нити горелой проводки, а над входом, как перебитое крыло, качалась обломанная антенна. Он сунул руку в карман и вытащил отполированный годами нервных прикосновений металлический жетон от аттракциона. Стас давно использовал его — одно из немногих напоминаний о беспечной жизни — как оберег или монетку на удачу. Он покрутил его между пальцами, приложил к губам и шагнул вперед.

В здании держался беспорядок. В коридоре высились штабеля пустых ящиков, коробок и списанного оборудования, а под ногами шуршали засохшие листья, занесенные сквозняками. Он шел мимо темных дверных проемов: мимо бухгалтерии и кабинета логистики с горами пожелтевших отчетов, мимо офиса генерального директора, мимо зала планерок, где угадывались перевернутые столы и стулья. Кладовка выставила напоказ какой-то сумбурный хлам, похожий в темноте на скрюченные конечности.

Дойдя до нужного кабинета отдела снабжения, Стас постучал, а незапертая дверь сама, с протяжным скрипом поползла внутрь. Комната была невелика и погружена в густую тьму. Лишь тонкие полоски света пробивались сквозь засаленные шторы, вычлняя из сумрака расплывчатые силуэты мебели. Воздух здесь был застоявшимся, клубилась в нем пыль. Письменный стол, полки старого шкафа, стопки бумаг были погребены под толстым слоем серого налета, словно время здесь окончательно остановилось и осыпалось пеплом.

— Что ты здесь забыл? — раздался из угла холодный голос.

Стас вздрогнул, чуть не выронив жетон. В следующее мгновение яркий луч фонаря резанул ему по глазам и опустился ниже, выхватывая всю фигуру целиком. В углу, за пределами светового пятна, проявилась Айза — низкорослая, костлявая, в мятой одежде и с видом, в котором не было ни тени гостеприимства.

— Сашко сказал, чтобы ты не забыла взять двустволку и ждала ребят у КПП, — сказал Стас, непроизвольно понизив голос, будто выдавал государственную тайну.

Айза смерила его колким взглядом.

— Это все?

— Да.

— Тогда, свободен. И без приглашения здесь больше не появляйся.

Стас кивнул и отступил к выходу, не желая испытывать терпение снабженки. Он ждал чего-то куда более жуткого, но все прошло подозрительно спокойно. Он понял, что все это время почти не дышал, и с силой вытолкнул воздух из груди.

Стас уже взялся за дверную ручку, когда заметил, как по столу стремглав пробежали два таракана. Он коротко вскрикнул и, запнувшись о порог, кубарем вылетел в коридор. Уже на улице судорожно оглядывал себя с ног до головы; ладони захлестали по куртке и штанам, стряхивая мнимых незваных пассажиров. Мысли, что насекомые могли заползти под одежду, волной тока пробежались по позвоночнику, а кожа зачесалась так, будто ее действительно щеко-тали тысячи лапок.

И ладно бы это были обычные прусаки. Так нет же, после Бури природа в их краях словно взбесилась. Откуда-то появились невиданные раньше насекомые, которые загадочным образом адаптировались к суровому климату, раздались в размерах и стали куда агрессивнее. Стано-

виться их кормом или даже просто дышать с ними одним воздухом Стасу не хотелось совершенно.

Промзона со своими подгнившими, громоздкими конструкциями казалась менее враждебной, чем администрация. Он огляделся, еще раз отряхнулся и какое-то время просто стоял, успокаивая учащенное сердцебиение, прежде чем направиться обратно к дому.

Просторный склад находился рядом с общежитием. Снаружи он ничем не выделялся, а внутри скрывал главные сокровища общины. Хотя его большую часть занимала рухлядь в виде разобранных станков, поломанных ящиков или строительного мусора, но пара стеллажей хранила полезную утварь и остатки провизии, которую делили на маленькие, строго взвешенные порции. А в укромном месте, под брезентом, лежал стройный ряд трофейных автоматов.

Полгода назад их вытащили из армейского грузовика, сорвавшегося в кювет на трассе. Куда и зачем шел этот груз, так и осталось загадкой, а находку вмиг объявили общим достоянием. Половина автоматов оказалась с погнутыми стволами или безнадежно заклинившими механизмами, у других не хватало бойков. Савелию и Саше пришлось неделями колдовать над ними в мастерской, чтобы из этих изуверченных пугачей вышло что-то стоящее. Теперь те, кто умел стрелять, выходили в дозор и патрули с этим «наследством», а несколько единиц оставили про запас.

Сашко откинул брезент. Отыскав свой автомат — с глубокой царапиной на прикладе и облезлой краской, — он отсоединил магазин, заглянул в патронник и с сухим щелчком вернул рожок на место.

Безответственный сторож Степанович, замотанный в линялую фуфайку, похрапывал на лежанке, а у стеллажей привычно копошилась сутулая фигура в перепачканной робе. На фабрике Савелий Михайлович упрямо пытался воскресить оборудование, перетягивал проволокой то, что давно должно было рассыпаться, или изготавливал что-нибудь полезное для поселения. Часть инструментов он держал на складских полках, потому что терпеть не мог беспорядка. Его угол был зоной строгой дисциплины, где каждая гайка лежала на своем месте. Услышав лязг затвора, Савелий Михайлович отвлекся от стеллажа и поверх очков воззрился на Сашко.

— А ты чего при полном параде?

— В рейд собираюсь. Ты же не против?

Савелий оставил коробку и задумчиво поскреб щетину с редкой проседью.

— В рейд, стало быть... Ах да! Кирилл же предупредил. Нет, не против. Только сначала загляни в мастерскую. Есть одно дело.

Мастерская находилась в цеху, в бывшей диспетчерской, где раньше операторы следили за технологическими установками. Теперь здесь пребывал иной порядок. У стены выстроились верстаки, а на них — аккуратно разложенные инструменты, разобранные механизмы и катушки проводов. На подоконниках теснились радиодетали, баночки с болтами и пружинами. В воздухе стоял стойкий запах мазута и ржавчины.

Савелий поставил лампу на край верстака и выдвинул заклинивший ящик.

— Вы же по хуторам собрались? В самую глушь?

— Да, прочедем все в радиусе пятидесяти километров.

— Есть у меня мысль. Любопытная. — Он выудил истертую, лоснящуюся на сгибах карту и отметил точку карандашом. — В этом поселке находится радиоцентр. Я там работал до катастрофы. Загляните туда тоже.

— Зачем?

Техник прищурился, пробормотал: «Секунду», и скрылся в глубине мастерской. Оттуда донеслись звон металла, грохот и тихое ворчание. Наконец Савелий вынырнул обратно, при-

жимая к животу громоздкий прибор. С натужным кряхтением он водрузил его на верстак. Стол жалобно скрипнул, а пыль взметнулась вверх. Штуковина заняла почти все свободное место.

Саша присвистнул, глядя на массивную железную коробку, усеянную тумблерами и заплывшими налетом шкалами.

— Вот это дура! Михалыч, что это за шайтан-машина? Допотопное радио?

Савелий чуть усмехнулся и с любовью погладил вещь.

— Коротковолновая радиостанция Р-143 «Багульник», — отчеканил он с несвойственной ему торжественностью. — Армейская классика.

— Откуда она у тебя? Ты с ней вторую мировую прошел?

— Она не настолько стара. И я тоже! Из дома притащил. Импульс спалил потроха, вот и лежала мертвым грузом. Недавно решил: чего добру пропадать? Дал ей шанс. — Он постукивал костяшками по корпусу, и тот откликнулся тяжелым лязгом. — Кое-что подлатал, динамик приколхозил, а питание вывел наружу. Собрал стабилизатор и запитал от двух «Крон». В общем, получилось чудовище Франкенштейна, но в теории работать должно. Вот только нужно несколько деталей на замену. Я хотел попросить вас поискать их.

— Для чего тебе это?

— Чтобы выйти на связь с кем-нибудь. Понимаешь, какое это преимущество? — он говорил взволнованно, вполголоса. — Дальность у этого трансивера должна быть ого-го какой! Эфир после Бури не забит всякой ерундой. Ни электросетей, ни шума заводов. Над землей абсолютная тишина. В такой стерильной чистоте КВ-приемник становится невероятно чутким. Еще я вывел антенну на крышу, с высоты прием должен быть куда лучше, стены не глушат. Может, и правда кого-нибудь услышим. Узнаем, где еще жизнь теплится. Так ведь проще, чем гадать на кофейной гуще и разведку отправлять.

— Ты правда думаешь, кто-то сможет нам ответить? Приемники по всему миру накрылись.

— Проверить надо. Не ответят — так не ответят, пускай. С нас-то не убудет.

— И как мы эти детали найдем? Мы же в этом ничего не понимаем.

— Нужен один германиевый транзистор, а лучше три — они, заразы, нежные, чуть перегрел паяльником, и все, покойник. И электролитические конденсаторы тащи. Набивай ими все карманы, лишними не будут. Ты же знаешь, как они выглядят?

— Допустим.

— Их можно будет найти в радиоцентре, там полно советской техники и ремкомплектов в масле.

— Если там все не превратилось в уголь еще в первый день, — скептически заметил Саша.

— Не бери то, что валяется под ногами. Ищи запечатанные цинки или железные шкафы с эмблемой связи. Они должны были сработать как экран, клетка Фарадея. Саша, доверься мне. Вдруг получится, а?

Саша замолчал, рассматривая прибор.

— По правде говоря, сомнительное дело вырисовывается. Нам еду и снарягу для переезда искать надо, а не в железках копать.

— Да что ж ты вечно упертый такой, а?! По-дружески же прошу. Разве я стану предлагать тебе то, в чем сам не уверен? Я все обмозговал как следует, все до винтика. Шаг один остался — запчасти притащить. Всего один шаг!

Несколько секунд парень стоял в раздумьях, потом нехотя кивнул:

— Ладно, проверим этот твой радиоцентр. Но исключительно для порядка. Если там один сгоревший хлам, больше с глупостями ко мне не подходи.

— Вот и правильно! Вот и молодец! Я знал, что на тебя можно рассчитывать, — Савелий на радостях потянулся было обнять помощника, но вовремя спохватился, что тот недолюбливал подобное поведение, и неловко завел руки за спину.

Сашко попрощался с техником, поправил лямку автомата и отправился к воротам, где его уже ждали остальные.

Серые облака, с утра застилавшие небо, расступились, и бледное сентябрьское солнце мягко осветило заводской двор. Астрономы когда-то обозвали эту звезду «желтым карликом», не подозревая, что однажды этот «карлик» яркой вспышкой сожжет прежний мир и погубит миллиарды душ, а после, как ни в чем не бывало, продолжит светить, равнодушно согревая руины.

У высоких ворот с облупившейся голубой краской стояли трое, обсуждая предстоящее путешествие. Они встретили солнце довольными улыбками, будто забыв о том, что именно оно послужило причиной катаклизма, или, быть может, простив его.

— По пути заскочим в радиоцентр, — буднично сообщил Саша, чиркнул спичкой и затянулся сигаретой.

— Для чего? — удивился Монгол.

— Дядя Сава попросил поискать деталей для приемника.

— На кой хрен? Совсем старый с катушек съехал. Да и ты вместе с ним. Связи нет уже два года, если вы не в курсе.

— Борзый ты стал в последнее время. Уймись, — Саша лениво поправил кольцо в ухе. — Мобильной связи нет, потому что базовые станции накрылись. А радиосвязь никуда не денется, она автономная. В саму Бурю эфир, конечно, с ума сходил, но сейчас проблема только в сгоревшем радио, понимаешь?

— Какие мы умные, бог ты мой! — Монгол фыркнул. — Вот нам совсем заняться нечем. Топать еще туда...

— Нам все равно через тот поселок идти, в чем проблема?

Монгол сплюнул под ноги и покосился на него с недоверием.

— Радио ваше шипеть будет, да и все. Лишний гемор нам подкинул Михалыч, а ты и рад стараться.

Монгол хотел еще огрызнуться, но Айза прервала его коротким:

— Хватит трепаться. Если собрались — идем.

Монгол недовольно махнул рукой:

— Ладно. Выдвигаемся.

Он кивнул дозорному, и тот снял увесистые цепи с ворот. Ржавые створки разошлись с протяжным скрипом; за ними начинался путь, тревожный и неизвестный, но ведущий к возможности вырваться из застоя.

СИГНАЛ

Время близилось к закату, когда они добрались до крупного села. Позади остались тридцать километров пустых дорог, одинокие домишки и давно разграбленные хутора. Село встретило их запустением. Здесь они бывали лишь однажды, и тот визит запомнился неожиданной удачей. В одном из заброшенных гаражей они наткнулись на старенькую «Ниву». Облезлая, с хромированными бамперами и с баком, в котором сохранилось немного бензина, она не пострадала от натиска ЭМИ, поскольку была рождена в другую эпоху. В ее архаичном нутре не было ни грамма электроники. Правда, время взяло свое, и ей все-таки потребовался ремонт. Для Саши, бывшего автомеханика, это было делом чести. Он поколдовал над карбюратором добротной россыпью матерных слов, затем ребята завели машину «с толкача», перегнали к фабрике и оставили в ангаре рядом с мертвыми фурами и КамАЗами, давно выпотрошенными на запчасти. находка была такой ценной, что они позабыли изначальную цель визита — поиск продовольствия. Оно осталось их ждать в просевших от старости домах до сегодняшнего вечера.

И дождалось. Заброшенный поселок неохотно, но все же поделился остатками запасов. Сколько ни бродили по пустым улицам, а улов оказался небогатым: в одном из сырых погребов нашлось несколько банок овощных и грибных солений вполне приличного качества, а рядом сиротливо лежала гора гнилой картошки, покой которой не стали тревожить от греха подальше; в доме неподалеку подобрали аптечку с просроченными антибиотиками и аспирином, хозяйственную сумку с теплой одеждой и пару коробков спичек, а во дворе приметили главное — канистру с топливом. Прежние хозяева явно забрали с собой все, что могли унести. Ребята остались довольны и этим, ведь теперь у них была возможность вернуться к своим не с пустыми руками.

Айза вдруг остановилась у огромного дубового шкафа, вытянула с полки потрепанную книгу зарубежного классика и впервые за долгое время расплылась в улыбке. Саша с Монголом удивленно переглянулись, ведь такой довольной они ее еще не видели.

— Для розжига? — Монгол заглянул ей через плечо.

Айза резко развернулась, пряча книгу за спину.

— Ты что мелешь? Нельзя жечь книги.

— Ну гляди, бумага сухая, толстая — самый раз костер развести. Вот и будет тепло, культурное, так сказать.

— Тебя от самого себя не тошнит? — Айза смерила его взглядом полным презрения.

— Ого, какая суровая! — Монгол расхохотался. — Берегись, Сань, она нам теперь будет лекции читать про высокое и духовное. С выражением.

Айза уже было открыла рот, чтобы парировать, но передумала. Она с силой впихнула книгу в рюкзак, затянула клапан и молча ушла в другую комнату.

— Закругляйся, — устало бросил Сашко. — В натуре задолбал со своими подколами.

— Вам, как обычно, — слова не скажи! Пошутил же, чего разошелся?

— Ты сейчас вообще не о том думаешь.

— А ты у нас, выходит, защитник, — Монгол прищурился и мелко рассмеялся, хлопнув напарника по плечу. — Чего ее защищать-то? Видишь же, девка с приветом. Сидит в своем бункере, как сыч, и лает на всех, кто приблизится.

— «Лает» она только на тебя, придурка, и на сапога нашего. И вообще, имей совесть, она отца потеряла. Оставь девчонку в покое.

— Все мы кого-то потеряли. Теперь удавиться, что ли?

— Короче, ты меня услышал. А теперь, к делу. Кончаем с болтовней и сделаем здесь привал, а завтра с утра пойдем дальше.

Монгол набычился и беззвучно передразнил его, скорчив максимально постную мину, но возражать не стал.

После скромного ужина из рисовой каши, сваренной в походном котелке, уже порядком сонные, они разошлись по комнатам и повалились на старые, неприятно пахнущие матрасы. Кроме Саши, которого после магнитной Бури нередко мучили бессонница и головные боли. Он сидел во дворе на покосившейся деревянной лавке. Раньше здесь, наверное, до полуночи засиживались старики: ворчали на пустые прилавки в сельпо, обсуждали, уродится ли что-нибудь в теплицах, и тосковали по молодежи, уехавшей на поиски лучшей жизни. Теперь же лавка скрипела только под ним и выслушивала жалобы уже от ночных зверьков.

Ночью за пределами обжитых мест стояла плотная тьма; ее едва ли пробивали уцелевшие фонари с лампами накаливания. Рабочие батарейки оставались редкостью, и потому к ним относились крайне бережно. То же касалось керосина, лампадного масла и свечей. Так что ночью оставалось либо спать, зарывшись в одеяла, либо полагаться на интуицию и слух, пытаясь по шорохам понять, чужой ли бродит в темноте или это ветер подстрекает воображение.

Небо над тундрой сочилось зелеными и багровыми всполохами. Мягкие волны северного сияния дрожали, сталкивались и растворялись друг в друге, и Саша смотрел на них так же увлеченно, как в первый раз. Он вспомнил обрывки новостей, когда из-за коронального выброса плазмы такие же огни разлились далеко за привычные широты, накрыв всю планету. Для тех, кто никогда не видел сияния, это казалось знаком с неба, предвещающим конец. Паника и суеверный ужас сожгли остатки здравого смысла быстрее, чем ЭМИ уничтожил электронику.

Мир, казавшийся чересчур шумным и переполненным, сузился до нескольких душ, спящих за стенкой дома. Саша поймал себя на том, что тишина не давит, а наоборот убирает из головы лишнее и оставляет место для чего-то важного. Пустота вокруг не пугала его так, как должна была. Она стала новой нормой, и в этой норме парень нашупал опору, где не нужно было признавать за другими право на его доверие, имитировать интерес к чьим-то чувствам или терпеть бесполезных людей.

Прохлада стала колючей и напомнила о недавней смене времени года. Саша застегнул ветровку до самого подбородка и посидел еще немного наедине с собой. Ночь тянула за плечи, заставляла чувствовать себя ничтожной точкой в бесконечной черноте. Он подавил тяжкий вздох и поднялся, решив все же зайти в дом и попытаться заснуть, хоть и знал, что сон вряд ли придет скоро.

Рассвет окрасил округу розовыми и золотыми полосами. Туман лениво стелился по низинам, а высокая желтая трава вымокла от росы. Впереди ждал долгий поход до следующего поселка. Один только вид длинной дороги мог отбить любое желание идти дальше, но выбора у них не было. Они наскоро перекусили одной банкой грибов и разделили сухую лепешку, которую дала им в дорогу повариха баба Таня. Сверившись с картой, команда двинулась в путь.

Выдавшаяся этим летом аномальная жара снова напомнила о себе. Зной упрямо вцепился в сентябрьскую непогоду и обрушился последним аккордом, превращая экспедицию в пытку. Скитальцы часто останавливались на привал и жадно набрасывались на бутылки с водой. Пот заливал глаза, одежда липла к телу, а редкие порывы влажного ветра лишь усиливали духоту. Дорога тянулась весь день. Каждый поворот казался однообразным, каждый километр был испытанием на выносливость, а под конец уже каждый шаг давался с трудом.

Когда сгустились сумерки и за спинами осталось еще несколько захудалых деревень, изможденные путники разбили лагерь у реки. Она, остывшая после пекла, прохладой манила ребят смыть с себя усталость и после передохнуть на берегу под усыпляющий плеск волн. На костре приготовили поздний ужин из того же пресного риса и подвесили кипятиться закопченный чайник. Сухие ветки мерно потрескивали, мысли уплывали назад в прошлое.

— Вспомнил, вот, одну историю, — заговорил вдруг Монгол, вороша палкой угли. — Я еще в школе учился, когда пошел слух о пропавших дембелях. Трое приятелей возвращались

из армии. Один должен был выходить как раз на той станции, куда мы сейчас идем. Ну и подбил остальных сойти вместе с ним. Пообещал попойку без надзора и пустую хату — родители в санаторий укатили. Пацаны согласились. Молодые все-таки, потянуло на авантюры. Родня тех двоих на вокзале не дождалась. Начали искать и вышли на проводника, который подслушал разговор парней. Прошло три дня, а ребята так и не объявились, и семьи кинулись в полицию.

Две недели спустя одного нашли здесь, неподалеку, — Монгол указал куда-то в сторону. — В заброшенном доме. Худющий, голый и абсолютно невменяемый. Никого к себе не подпускал. Попытались его разговорить, а он орал что-то невразумительное в ответ. Остальных так и не нашли. Ну и чтобы закрыть висак — сами знаете, как наши менты работали, — сочинили версию: мол, спьяну полезли в реку и утонули. А этот на берегу стоял, смотрел, как друзья гибнут, вот чердак и потек.

Но вот что странно, — Монгол понизил голос. — Во-первых, опера все вокруг обшарили, но не нашли ни вещей, ни сумок, ни документов. Вообще ничего. Непонятно, какого черта тот бедняга нагишом щеголял, его одежда-то куда пропала? Во-вторых, взяли у него мочу и кровь в наркологии. Ни водки, ни дури, и в заброшке — ни одной пустой бутылки. Но самое дикое в другом. Выяснилось, что тот пацан, зачинщик, и не жил в этой деревне вовсе. И про санаторий он все выдумал. Не было у него родителей. Погибли в аварии сто лет назад, а он в детдоме рос. Что ему нужно было в пустом доме и зачем ребят туда заманил — один черт знает.

Монгол замолчал и придвинулся ближе к огню.

— Народ разное сочинял. Кто-то говорил, что пацаны в части не ладили и это была месть. Другие шептались про чертовщину, мол, злые духи во всем замешаны. А третьи вообще грешили на пришельцев. Правды уже не найдешь... До сих пор слухи ходят, — прошептал он, — что в том доме слышны шаги и скрип половиц. Будто кто-то бродит... Ищут старого друга.

— А что с ним стало? — тихо спросила Айза.

Она сидела чуть поодаль и неохотно ковырялась в тарелке с кашей, делая вид, что история ее не впечатлила.

— Ну как — что? В психушку упрятали. Дело закрыли, хотя родня тех парней еще долго пыталась правду вытрясти. Пробовали сами расследовать, лазили везде, искали. Без толку. Глушняк.

Айза передернула плечами. Костер ее едва спасал от сырого холода, пробиравшего до костей.

— Знаю еще вот что. Толян рассказывал. Когда они с Гариком и Мишкой — земля им пухом — ходили в тот рейд, встретили в одном магазине старика. Странный был малость. Дергался, глазки бегали, но в целом безобидный и на разговор шел с охотцей. Раньше он был обычным бродягой, скитался по миру со своим напарником.

Однажды наткнулись они на закрытый городок, окруженный забором с колючкой. Решили заглянуть, поискать чего, а как за периметр зашли — так их и прихлопнуло. То голова разболится, то ноги свинцом наливаются, и такая жуть взяла: мол, ощущение, что вот-вот страшное произойдет. Только это их не остановило, и полезли они по домам. А там пусто. Абсолютно. Как будто никто и никогда не жил там, а панельки просто для красоты стоят.

Монгола оборвал шорох в кустах. Был он слишком громким, чтобы оставить его без внимания. Все разом обернулись к темноте, пытаясь распознать в тених того, кто подошел к лагерю. Шуршание повторилось, на этот раз осторожнее, а ребята только сильнее напряглись. Сашко, включив фонарь и схватив «калаш», пошел на разведку, а, порывшись в зарослях, никого там не обнаружил. Он еще пару минут постоял, прислушиваясь, и выключил свет. «Выдра, наверное», — буркнул он, почесывая бритый затылок, и вернулся на насиженное место.

— Так вот, я продолжу с позволения этой выдры. В общем, залезли они то ли в институт какой, то ли в лабораторию. Фонари сразу барахлить начали, тени по стенам поползли... И

тут напарник его вдруг как рухнет на колени! И завыл. Громко, страшно, будто покойника оплакивал. Дед кинулся к нему и давай его в чувства приводить — ноль реакции. А потом и сам сознание потерял. Очнулся — кругом темень. Плюнув на все, кое-как волоком потащил дружка к выходу, лишь бы подальше от этого места. Снова похлопал по щекам, а тот в себя так и не пришел.

Толян на эту байку рукой махнул: мол, старый фантазию влет пустил. Вот только потом он заглянул в подсобку магазина, нашел там лежанку, а на ней — тело того самого мужика. Спокойно так лежит, будто прилег вздремнуть, а глаза открыты и смотрят в никуда. Не дышал уже, остыл совсем. Рядом на столе лежала потрепанная тетрадка, исписанная какими-то символами, иероглифами. А дед этот, как загнипнотизированный, глядел на друга, чуть ли слюни не пускал от восторга. Ребята наши и дали деру, а там уж на мародеров напоролись. И пойми теперь, что это за город такой был, и какая зараза им мозги выжгла.

— У нас вечер страшилок? — уточнил Саша. — Как в детском лагере?

— Подумал, атмосфера подходящая. Что, сдрейфил? Коленки затряслись?

— Ага, ходуном ходят, — Саша покачал головой и закурил. — Брехня это все. Старый маразматик наверняка перепил беленькой, сам порешал кента и под дурачка косит. И дембель из той же серии.

— Не хочешь — не верь, дело твое. А я точно знаю, что есть что-то эдакое, чего наукой не измерить, — Монгол нахмурился и отвернулся к огню. — Я Марте пересказал, она ведь в таких делах побольше нашего соображает. Так она говорит, что всякая нечисть к людям липнет там, где страха много, злобы или болезней. Мол, полтергейсты подпитываются негативной энергией.

— Да ну тебя, — отмахнулся Саша. — Марта твоя — та еще сказочница. Видал я такие проклятые места. В любом неблагополучном районе в каждой второй хрущевке такие призраки живут. Сначала накидаются, потом воют на луну и родных в страхе держат. Я в этом дерьме вырос, посмотрелся. Если батя собутыльников привел или «белку» словил, то там и без полтергейстов тошно.

Он вдруг замолчал, осознав, что сболтнул лишнего, и резко затянулся сигаретой, пряча взгляд в дым.

— Короче, бытовуха это все. Обычное свинство.

Монгол тяжело закашлялся и кивнул.

— Бытовуха — это тоже страшно, Сань. Но одно другому не мешает. Зло разное бывает. Просто не думай, что если ты одно видел, то про другое все знаешь. Если у человека внутри уже есть за что зацепиться... какая-нибудь старая чернота... они это чувствуют.

— Ты на Марту не наговаривай, — Айза наконец отставила пустую тарелку, заставив себя проглотить последнюю ложку риса. Она будто и не слышала резкости Саши, пребывая в своем собственном холоде. — Ее гадания всегда сбываются. За день до того, как вы машину нашли, она карты разложила. Так и сказала: найдете что-то очень неожиданное.

— А ты, случаем, на эту ходку не просила погадать? — механик чуть смягчил тон и усмехнулся.

— Времени не было, — девушка смущенно буркнула в ответ.

Наступила неловкая пауза, и остаток вечера они провели, молча попивая горячий чай. Айза разглядывала приобретенную книгу. Монгол то и дело ронял голову на грудь и тут же дергался с перепугу, озираясь по сторонам. Сашко часто зевал и, щуря покрасневшие глаза, долго смотрел вдаль, на другой берег. Все дружно пришли к выводу, что пора бы уже лечь спать, ведь завтрашний день не обещал быть легким.

На темной воде поблескивала луна. В кустах по-прежнему кто-то шуршал, но сил прислушиваться уже не осталось. Даже Сашу постылая бессонница отпустила на время, и тот уснул.

почти сразу. Постепенно угасал костер, изредка выбрасывая снопы искр, пока угли окончательно не дотлели.

Утро же было не таким радушным. Дождливая осень окончательно вступила в свои права, и компания, мрачная и продрогшая, прибавила шаг. Все трое надеялись успеть к первым домам прежде, чем небо окончательно прорвет. Где-то позади сурово загромыhalo. Гроза нагоняла их, заставляя переходить почти на бег.

Впереди показался дорожный знак, оскаливающийся трещинами облесшей краски, с названием поселка. На въезде их встретили обугленные скелеты домов, в которых уже явно не осталось ничего стоящего, что ухудшило и без того нерадушный настрой. Над дорогой, растянутая между столбами, хлопала на ветру грязная ветошь. На ней крупно, от руки было выведено: «Здесь мирные люди!» Группа прошла под этой надписью в полном молчании, и чем глубже они заходили, тем тяжелее становилось на душе.

Дома разевали черные пасти выбитых окон. В одном из дворов виднелась детская площадка с качелями на оборванных цепях, перекошенной горкой и брошенными велосипедами. Среди мусора белела безглазая кукла, наполовину утонул в грязи чахлый медвежонок. По следам от пуль на заборах и стенах узнавался почерк военных.

Саша резко остановился и вскинул автомат, когда услышал шевеление в останках деревянной хибары. Из-под обгоревших балок показался единственный житель опустевшего села — облеслый пес с выпирающими ребрами. Грязная шерсть его свалалась клочьями, лапы потрясывались, а на тонкой шее болтался бесполезный ошейник. Сашко попросил у Монгола последний и уже подсохший кусок лепешки и осторожно пошел ко псу, протягивая угощение на открытой ладони. Хвост его дернулся, уши прижались к голове, выдавая внутреннюю борьбу между голодом и недоверием. Он принялся и трусовато пошел на встречу. Едва оказавшись рядом, молниеносно выхватил кусок и убежал обратно в развалины.

Парень редко сочувствовал кому-либо, считая, что в этом мире каждый должен быть сам за себя и чужие беды — не его ноша. Однако сейчас в горле встал комок. Он увидел в этой брошенной псине, голодной и скулящей от одиночества, что-то до тошноты знакомое, и пришел к выводу, что надо бы помочь ей, приютив ее в промзоне.

Пес забился в покосившуюся будку и жадно рвал зубами черствую лепешку. Он не сводил глаз с незнакомца и, когда тот присел рядом, перестал рычать. Саша протянул руку и осторожно почесал заросшее грязью ухо. Дворняга вздрогнула, но не отстранилась. На досках будки значилась немного стертая временем надпись: «Тихон». И та же кличка красовалась на бляхе кожаного ошейника. Тихон будто все еще ждал хозяев, которые, вероятно, уже были мертвы, и охранял родной дом, от которого ничего не осталось.

— Санек, долго тебя ждать? — Монгол перелез через обломки стены и зашелся в хриплом кашле.

— Воды ему еще налью. С собой возьмем, будет дозорным помогать сторожить.

— Я так понял, на тебя достаточно жалобно посмотреть, и ты сразу на все согласишься.

— Тебе жалко, что ли? Кому он помешает?

— А чем ты его кормить собрался? У нас и так все под расчет, самим бы не завить.

— С этим я сам разберусь. Без советников. Свое отдавать буду, если надо.

Серость неба на мгновение разбавила молния, за ней затрубил гром, и стало ясно, что ливень накроет их с минуты на минуту. Ребята поспешили дальше по запустелому селу, не задерживаясь у обезглавленных домов. Тихон бежал чуть впереди, прижав уши и ныряя в высокую траву, словно сам торопился вывести их из мертвой деревни.

На окраине показалась усадьба — единственное надежное укрытие во всей округе. Когда-то она возвышалась над соседними избами, демонстрируя достаток хозяина, но теперь лишь угрюмо доживала свой век. Фасад сильно обветшал, обнажая крошащийся кирпич под пластами облупившейся отделки. Колонны у парадного входа облепили мох и змеевидные трещины. Кривые ставни протяжно скрипели от резких шквалов, грозя оторваться и улететь из богом забытого места. Местами крыша так же провалилась, но над главным залом еще держалась, обещая защиту от ливня.

Внутри пахло сыростью и старостью. Комнаты тянулись вдоль коридора одна за другой, а в них — ни мебели, ни случайных вещей, ни единого следа чьей-либо жизни. Казалось, усадьба вымерла еще задолго до катастрофы, а все, что было не приколочено, давно вынесено. Они устроились в большом зале, и слышен был лишь дождь, хлестающий в пустые оконные проемы.

Переждав разбушевавшееся ненастье, они взялись повнимательнее обыскать дом, да так и не нашли ничего, кроме голых стен. Воры не постеснялись обглодать все, вплоть до дверных ручек и плинтусов. Только на чердаке среди крысиного помета их поджидала странная находка. В углу, под дырявым скатом крыши, стояло старое пианино. Его черная лакированная поверхность поблескивала в свете фонарей и была абсолютно чиста, без грамма пыли, словно инструмент оставили здесь совсем недавно.

Айза застыла, уставившись на него. Дыхание ее сбилось. Не проронив ни слова, она резво сорвалась с места и убежала вниз по винтовой лестнице.

— Испугалась? — спросил Саша, когда парни спустились следом.

— Нет. Просто померещилось. Неважно. В холле был спуск в подвал. Надо проверить.

— Надеюсь, там не покоятся вампиры в гробах, — осклабился Монгол. — Что-то мне не хочется пасть обескровленной жертвой. Эй, бледнолицая, сможешь договориться со своими в случае чего?

Айза даже не повернула головы в его сторону, словно Монгола вообще не существовало.

Выяснилось, что в подвале никакие упыри не почивали, только мыши да пауки населяли его. Подвал представлял из себя закольцованный узковатый коридор с тесными, душными камерками. В одной из них угадывалась котельная с переплетениями труб, а в углу притулился массивный стальной шкаф с изогнутой, как от удара, дверцей.

Монгол внезапно подпрыгнул и выругался. Ему показалось, что из щели за шкафом потянуло сквозняком. Айза коротко хмыкнула, а Саша, наоборот, насторожился: рванул на себя искореженную дверцу и постучал костяшками по задней стенке. Раздался гулкий, пустой звук. Он с кряхтением отодвинул грузный шкаф, за которым скрывалась дверь без ручки и замочной скважины.

Заглянув внутрь, они увидели логово, и чьим бы оно ни было, хозяин давно его покинул. Айза брезгливо отступила от заплесневелого тюфяка, брошенного на деревянные поддоны. Пол здесь был усыпан слипшимся тряпьем и осколками битого кафеля. На этажерке теснились коробки с крупой, а рядом стоял мешок сахара и еще два — с мукой. Помимо запасов, камера была забита всяким хламом, который совершенно не вязался с суровым бытом подпольщика: дешевые бусы из крашеного стекла, статуэтки, латунные пуговицы, россыпь потемневшей бижутерии. Среди этой груды «сокровищ» торчало разбитое зеркальце в позолоченной оправе.

У лежанки примостился тяжелый ящик. Саша поковырял в замочной скважине найденным тонким гвоздиком и откинул крышку. Внутри аккуратно лежали бушлат, берцы, пачка тетрадей, исписанных убористым почерком, и сверху — три военных билета с фотографией. На снимке с трудом можно было различить группу смеющихся юнцов в форме. Саша поднес фото ближе к фонарю, пытаясь разглядеть их получше, но те засвечивались бликами.

Монгол заметно занервничал и потребовал немедленно покинуть усадьбу. Не внимая протестам, первым рванул к выходу, будто за ним гнались.

— Эй, а мешки? Едрить твою!.. — выкрикнул Саша ему в спину и со злостью сплюнул.

Он машинально сунул фото в карман, затем, поднатужившись, навьючил на себя здоровенную поклажу. Айза торопливо закинула в рюкзак крупу, и вскоре они уже выбрались из затхлого подвала на воздух.

Монгол ждал у калитки, нервно озираясь по сторонам. Едва поравнявшись с ним, Саша с силой пихнул его в плечо.

— Совсем крыша поехала?

Монгол пробормотал что-то про старую байку, помянув ее так, словно призраки уже дышали ему в затылок. Саша прыснул, скептически мотнул головой:

— Да это же бред! Мало ли, чье это барахло и куда они делись. Почему почти в каждой мутной истории про исчезновения людей причина обязательно мистика? Эту сказку переврали уже раз сто, а ты уши развесил, балбес.

Он бесцеремонно всучил один мешок Монголу и побрел к выходу из поселка.

— Двигаем к радиоцентру.

Из-за кустов осторожно высунулась дворняга и припустила вслед за людьми. Почва сильно раскисла, ноги то и дело разъезжались, а глина тяжелыми комьями липла к подошвам.

Спустя час похода впереди замаячил радиотехнический комплекс. На пригорке высились десятки мачт с наростами антенн и тарелок — обглоданные скелеты вымерших великанов, подпирающие низкое небо. На земле возле ретрансляторов громоздились гигантские бухты толстых кабелей, секции медных волноводов и ящики со строительными приспособлениями, словно кто-то всерьез взялся реанимировать старое железо.

Подступы к главному зданию перегораживали армейские «Уралы» с разохшимися тентами. Рядом, вперемишку с бытовым мусором, стояли штабеля пустых оружейных ящиков с маскировочными сетями. Ребята прочесали кабинеты центра управления, но обнаружили лишь оборванные провода, распотрошенные пульта и мертвое оборудование.

Чуть поодаль стояло здание диспетчерской с наглухо заколоченными окнами. Внутри главный зал был превращен в казарму с рядами двухъярусных железных коек. Изнутри пол был устлан битым стеклом и обломками гипсокартона. Проходясь по коридорам, они заглядывали в каждое помещение, но так ничего и не нашли, кроме проржавевших инструментов и разного барахла. Надежда, что мелькнула было в них, скрылась в редких облезлых кустах и в одиноких руинах вокруг.

Монгол недовольно цокнул.

— Говорил же, пустая трата времени. Зря крюк сделали.

— Реально, — глухо отозвался Сашко и нервно потеревил серьгу в ухе. Руки слегка подрагивали — не то от усталости, не то от злости на всю эту затею.

Они уже собирались уходить, когда Саша заметил в стороне от диспетчерской приземистый бетонный куб с воротами. Парням пришлось навалиться на лом, чтобы отпереть их. Скрежет рвущегося металла эхом разнесся над брошенным полигоном и затих так же резко, как и возник. Изнутри выпорхнул густой запах солидола и мокрой штукатурки, а за тяжелыми ставнями угадывалось складское помещение. Саша первым шагнул внутрь, поднял фонарь и провел лучом по стенам. Затем бросился к стеллажам и замер. В свете блеснули ряды цинков.

— Да ладно... — он выдохнул и принялся лихорадочно вскрывать ножом одну из коробок.

Под крышкой в густом консервационном масле хранились электролитические конденсаторы, а в других коробках — завернутые в вощеную бумагу транзисторы. Они были новыми,

словно только что с завода. Видно, Буря так и не смогла коснуться их: стальная броня приняла удар ЭМИ на себя и удержала его снаружи.

— Там, на нижних полках, рулоны брезента! И канистры! — Монгола затрясло от азарта.

Айза тем временем выудила из угла связку прочных нейлоновых тросов и прикатила их на грузовой телеге.

— Монгол, грузи все, — скомандовал Саша, помогая Айзе складывать рулоны.

Шесть двадцатилитровых канистр с бензином аккуратно легли на основание, к ним подсились мешки с мукой и хозяйственная сумка, а сверху полетели тросы и рюкзаки, набитые полезным скарбом. Тележка жалобно скрипнула, проседая под весом добычи, но колеса выдержали. Саша затянул крепления, проверил, надежно ли все утрамбовано, и вытер со лба пот, размазывая по лицу техническую смазку.

— Идем домой, — коротко бросил Монгол, первым хватаясь за ручку тележки. — Хватит с нас приключений.

Резкий, захлебывающийся лай дворняги у ворот комплекса заставил их вздрогнуть. Они вышли проверить, на что Тихон отреагировал. У подножия пригорка, через раскисшее поле, к радиоцентру двигалось несколько фигур в камуфляже. Впереди полз военный грузовик, тяжело переваливаясь на ухабах и разрезая туман тусклыми фарами. Солдаты шли расслабленно, не поджидая засады в безлюдной зоне.

Ходоки синхронно отпрянули и спрятались в густой тени.

— Что эти бесы здесь забыли? — прошипела Айза, и ее лицо исказилось в злобной гримасе.

— Живут? — предположил Монгол. — База у них тут. А я думал, она брошенная!

— Зачем им разворачивать базу в наших пердях? — возразил Саша. — Им радиоцентр для чего-то нужен. Походу, пытаются починить ретрансляторы.

Пес снаружи продолжал голосить. Саша с Монголом мигом схватились за створки ворот. Металл поддавался неохотно, угрожая предательским скрежетом, но они сантиметр за сантиметром притянули их друг к другу, оставив узкую смотровую щель. Ловушка захлопнулась: сзади — глухие стены, впереди — с два десятка автоматов, а в центре — скрипучая тележка, нагруженная ворованным «государственным имуществом».

Прикинув к щели, Айза увидела, что грузовик уже остановился у входа в главный корпус. Внутри все похолодело, и пальцы сами собой легли на спусковой крючок двустволки. Несколько солдат спрыгнули с бортов, разминая затекшие ноги. Пес, виляя хвостом, крутился рядом. Трое военных подошли к нему, о чем-то громко переговариваясь. Один из них, широкоплечий мужчина в разгрузочном жилете, присел и потрепал пса по загривку. С громким, радостным лаем Тихон прыгнул на него, пачкая штаны мокрыми лапами, и принялся нарезать круги, путаясь под ногами.

— Проклятый блоховоз! Всю одежду изгваздал! А ну, пшел отсюда! — он раздраженно шуганул пса.

— Эй, Славян, брось ты его, помоги с вещами! — окликнули его из машины.

Он сплюнул и побрел к грузовику, оттряхивая на ходу форму.

Внутри склада воцарилась тяжелая тишина; ребята ждали, вслушиваясь в каждый звук снаружи: хлопанье дверей, приглушенные команды, тяжелый топот кованых ботинок. Наконец, шум переместился вглубь здания.

— У центра остался часовой, — прошептала Айза, отстранившись от щели.

Монгол тревожно глянул на тяжелую телегу, набитую доверху.

— С ней мы и на десять метров не продеремся мимо него.

— Приманим его сюда — и по башке. Айза, пошуми, — скомандовал Саша, а сам перехватил автомат за ствол, превращая его в палицу, и скрылся в углу рядом со входом. Монгол же юркнул в противоположный.

Спустя короткое время тишину склада вспорол резкий грохот: Айза столкнула увесистый деревянный ящик с полки и скользнула в тень.

Саша видел через щель, как часовой качнулся, поднялся со ступенек и недоуменно заозирался. Тихон, который до этого мирно лежал у его ног, вскинул голову и первым сорвался с места. Солдат немного помедлил, а потом осторожно двинулся следом. На полпути он вдруг обратил внимание на жирные полосы влажной глины, ведущие напрямик к их убежищу. Военный нахмурился и медленно повел стволом в их сторону, делая шаг к бетонному кубу. Щелкнул затвор, загоняя патрон в патронник. Он широко распахнул дверь, прильнул к прицелу и, водя стволом из стороны в сторону, шагнул в проем ворот, погружаясь в темноту склада.

Он прошел мимо Саши, не заметив его за выступом двери. Секунда тянулась как вечность. Вдруг из противоположного угла раздалось сипение. Монгол судорожно зажал рот ладонями, но из груди все равно вырвался хрип. Часовой дернулся на звук, переводя ствол в темноту. Действуя на инстинктах, Саша молниеносно подскочил и обрушил приклад точно в основание черепа. Часовой даже не вскрикнул. Он сложился и осел на бетонный пол, как пустая одежда. Его автомат с негромким лязгом упал рядом.

Тихон, подбежавший к ним, заскулил.

— Тс-с, мальчик, свои... — Айза быстро оказалась рядом, перехватывая пса за загривок.

Глаза Саши в темноте горели бешенством. Монгол все еще давился кашлем, уткнувшись лицом в рукав.

— Еще один звук — и я тебе кляп в рот затолкаю! Захлопнись! Берем телегу и валим, пока его не кинулись искать.

Парни затащили обмякшее тело часового глубже, за штабеля. Монгол быстро проверил пульс и кивнул — жив, просто отключился. Теперь от свободы их отделяли только тридцать метров открытого пространства под окнами центрального здания. Они одновременно напряглись, толкнули груженную телегу, а та, сдвинувшись всего на пару сантиметров, пронзительно взвизгнула. Саша аж дернулся и зашипел.

— Да сейчас весь гарнизон сбежится! — Он мельком окинул взглядом забитые ржавые оси и обернулся к стеллажам: — Масло! Срочно!

Тут же сам выудил с полки жестяную банку и вскрыл ее. В четыре руки, лихорадочно и небрежно, они втирали консервационный вазелин в оси и ступицы тележки, забывая смазку в каждую щель, чтобы проклятый металл не издал ни звука.

Парни снова налегли. Тяжеленная телега оказалась неповоротливым чудовищем. Колеса все равно издавали едва слышный скрип.

— Давай, родимая... — лицо Монгола покраснело от напряжения.

Айза подстроилась под их темп и, держа двустовку наготове, кожей чувствовала каждое окно корпуса, возвышавшегося слева. Ближущие стекла казались сотнями глаз; стоило кому-то из солдат подойти к окну покурить, и они оказались бы как на ладони.

Асфальт под колесами был неровным, выщербленным временем и с проросшей сквозь трещины травой. Каждый раз, когда телега наезжала на выбоину, парни замирали, переставая дышать и ожидая, что смазанные в спешке оси не выдержат и завопят на весь полигон. Из корпуса доносились приглушенные голоса и шум. Военные, видно, были слишком уверены в надежности собственного периметра, чтобы отвлекаться от дел. Эта близость врага заставляла мышцы сокращаться до судорог.

Пес словно перенял их сосредоточенную тревогу: не издавал ни звука, лишь едва слышно цокали его когти. Он, кажется, в одночасье скинул с себя оковы обязательств перед прежними хозяевами.

— Еще немного, — прошептал Саша, когда они приблизились к ржавым воротам.

Самым напряженным оказался переход с асфальта на гравийную насыпь у самого выезда. Камни под колесами громко зашуршали, но этот звук чудом не поднял на ноги весь гарнизон.

Они рванули, телега поддалась, перевалила через разбитый бордюр и, наконец, мягко ткнулась в податливую, мокрую почву.

Ведомые инерцией страха, они не остановились, пока бетонный забор и острые иглы антенн не остались далеко позади. На полпути к поселку Саша прислонился лбом к холодному борту и закрыл глаза, жадно вдыхая воздух. Пальцы, сведенные судорогой, разжимались неохотно. Монгол молча опустился на землю и сильно закашлялся, его плечи мелко дрожали от перенапряжения.

Тундра, бесконечная и холодная, простиралась перед ними янтарным океаном пожухлой травы и низкорослых кустарников. Мысль о долгой дороге домой, что вытянет из них все силы, весила не меньше этого груза, а на душе у ребят все равно было непривычно легко.

Савелий Михайлович щелкнул тумблером, но не услышал характерного белого шума эфира. Он крутанул колесико настраивания, вчитываясь в подписи под остальными тумблерами. Еще раз перепроверил частоты, но прибор не отзывался. Техник чертыхнулся и выключил фонарь для экономии заряда.

— Ничего не понимаю, — проворчал он. — Я ж все починил, все как надо, он должен работать. Ну чего тебе еще не хватает?!

— Того и не хватает, что детали сгоревшие, — сухо отозвался Саша и скрестил руки на груди. — Я же говорил, чуда не случится. Время только впустую потратили.

Савелий звонко шлепнул себя ладонью по лбу. Его лицо прояснилось так резко, будто он только что вспомнил код от сейфа с золотом. Он мигом развернулся, метнулся к верстаку, на ходу споткнулся о табурет и чуть было не распластался, но ухитрился удержаться на ногах. Затем поспешно вернулся, шумно всасывая воздух и прижимая к груди смотанный изолентой блок батарей.

— Голова садовая! — отдышавшись, выкрикнул он. — Сашко, я же питание не подал. «Багульник» включил, а про стабилизатор-то забыл. И сижу, главное, жду чего-то.

— Зачем он вообще нужен? Соединили бы батарейки напрямую, делов-то.

— Это тебе не фонарик, парень. Восемнадцати вольт для приема хватит с излишком, а стабилизатор даст станции сколько надо. Но для передачи недостаточно. Стоит нажать кнопку передачи, станция разом глотнет энергию. Без этой коробочки связь сразу оборвется. Вот только у нас есть еще одна проблема. «Кроны» — слабые батарейки для такой махины, поэтому времени у нас в обрез. Максимум час поработает.

— Понятно. Ну, давай еще раз проверим твой антиквариат.

Техник нащупал крохотный рычажок на пластиковой коробочке, вклиненной между батареями и радиостанцией, и с торжествующим щелчком перевел его в рабочее положение. Динамик Р-143 тут же наполнил тишину бодрящим шипением эфира, пульсирующим в такт каждому повороту рукоятки.

Казалось, еще мгновение — и сквозь шум прорвется голос, человеческий, настоящий. В динамике не было ничего, кроме белого шума и редких всплесков статики, похожих на чьи-то тяжелые вздохи. Савелий, нахмурившись, склонился к самой панели, почти касаясь носом холодного металла. Он методично перещелкивал частоту, замирая на каждом делении, щурился, будто пытался разглядеть звук в прорезях динамика. Иногда ему чудилось, что сквозь треск вот-вот прорежутся слова. Он мгновенно возвращался на прежнюю частоту, задерживал дыхание, прислушивался... и снова понимал, что это всего лишь игра помех.

Прошло десять минут, двадцать, полчаса. Техник то осторожно подкручивал ручку настройки, то резко встряхивал блок с батареями, то постукивал костяшками по корпусу в надежде таким образом достучаться до кого-нибудь. Трансивер молчал.

— Да чтоб его! Все, хорош. Видать, зря я понадеялся, что кто-то еще остался жив. Только батарейки помучил.

Савелий Михайлович, понурый и опустошенный, выдохнул и отстранился от стола. В этот миг он впервые увидел не верного друга, которого годами берег от сырости и пыли, гордился им, порой даже относился как к живому существу, а просто грудю металла. Радио было его ниточкой к прошлому, к миру, где не властвовали тьма и разруха. Оно равнодушно молчало, и все надежды, все бессонные ночи над схемами и платами вдруг показались ему самообманом. Он просто лелеял бесполезный кусок железа, пытаясь оживить то, что давно умерло.

— Тьфу на тебя! — в сердцах бросил техник и наотмашь хлопнул ладонью по крышке.

Корпус отозвался звонким гулом, и в ту же секунду эфир оживился. Резкий, пронзительный всплеск статики прорезал шипение, и сквозь него пробился едва живой голос.

— ...коорди... — треск сглотнул часть фразы. — ...широты... двадцать...

Речь доносилась короткими, рваными обрывками, будто говорящий на том конце захлебывался.

— Замри! — крикнул Саша, и тот одернул руку, так и не донеся пальцы до выключателя.

— Внимание... — снова пробилось сквозь гул. — Меня слыш... У нас... Налажено... Выживших... Город... Наши... Повтор...

— Это что такое? Санька? Работает... Он работает!

— Да быть не может... Слышишь, что сказали?

— Тихо!

Голос незнакомца был приглушенным, тонул в монотонном рокоте. Сообщение постоянно прерывалось, и разобрать его становилось все труднее. Сигнал плавал, то нарастая, то превращаясь в невнятное бульканье.

— Ничего не понимаю.

— Может, его надо настроить? — взволнованно сказал Саша. — Покрутить там что-нибудь?

Савелий Михайлович ошалело уставился на прибор, боясь пошевелиться и даже подышать в его сторону. Несколько мгновений он сидел окаменевшим, и только потом опомнился. Он осторожно, по миллиметрам, крутил рукоятки точной настройки. Хриплый поток звуков то переходил на свист, то снова проваливался в вату, пока вдруг не обрел четкие контуры. Савелий зафиксировал руку, борясь с дрожью в пальцах. Слова теперь различались лучше, хотя все еще рвались на куски, продираясь сквозь бесконечные мили пустоты.

— Внимание! Всем, кто меня слышит... Налажено электроснабжение... Свет, еда, тепло, защита... Восстановление цивилизации... Приглашаем выживших... Двадцать семь градусов восточной долготы...

— Где-то есть электричество! Настоящее электричество! — в голосе техника звучал такой восторг, словно речь шла о сошествии Бога на землю.

Они замерли, глядя друг на друга широко распахнутыми глазами. Информация была слишком огромной, слишком невозможной, чтобы сразу уложиться в голове.

— Это что же получается... Ты все-таки был прав? Мы не зря солдафонов обчистили?

— Вот так-то! А ты не верил, — Савелий победно выпрямился, хотя пальцы все еще подрагивали на корпусе станции.

— Надо ему сказать, что мы слышим его.

Савелий, поддавшись общему порыву, кивнул и зажал кнопку тангенты.

— Заполярье на связи! Кто в эфире? Повторите координаты! — крикнул он в микрофон.

Станция отозвалась нутужным, умирающим воем. Как только Савелий отпустил кнопку, эфир не просто зашипел, а заполнился возмущенным рокотом. Голос незнакомца вернулся, но теперь он звучал еще тише, а помех стало больше. Лицо Савелия осунулось.

— Это запись. Черт... От передачи «Кроны» просели. Стабилизатор, видать, не смог компенсировать такой скачок напряжения. Перехвалил я его.

Савелий приник к динамике и снова принялся настраивать приемник, выуживая из шума уплывающие слова.

— Оно опять пошло на круг! Так ладно, давай-ка сейчас внимательно послушаем. Пока радиоокно не закрылось надо выцепить цифры и записать. Второго шанса батарейки нам не дадут. Если подтвердим координаты — это же... это же всем надо рассказать. Представляю, какой шум поднимется!

— Да там у всех челюсти отвалятся... — Сашко честно силился выглядеть сдержанно, но голос предательски звенел, и сама собой расползлась ошалелая улыбка.

Савелий ювелирно выправил настройку, и динамик зазвучал увереннее. Голос по ту сторону вторил запись раз за разом, переключаясь на разные языки. Английский сменялся французским, немецким, испанским и еще парой незнакомых наречий, а интонация оставалась выверенной, бесстрастной, рассчитанной на то, чтобы пробиться к любому, кто еще способен слушать.

Диктор сообщал о некоем городе, где удалось наладить ключевые системы жизнеобеспечения: автономное энергоснабжение, очистку воды, медицинскую помощь, производство продовольствия. Говорил о том, что люди там не просто удерживаются на плаву, а целенаправленно восстанавливают инфраструктуру и саму идею цивилизации. Сообщение не сулило чудес и не рисовало утопий. Оно предлагало сотрудничество. Всех, кто уцелел, приглашали не как иждивенцев, а как тех, кто может внести свой вклад в общее дело. Там обещали защиту и стабильность — забытую роскошь строить планы дальше ближайшей недели, растить детей и просто знать, что завтрашний день наступит.

Последние цифры Сашко дописывал уже на грани фола. Напряжение в Р-143 рухнуло так низко, что звук превратился в предсмертный хрип. Едва карандаш вывел последнюю цифру долготы, станция издала короткий щелчок и окончательно смолкла. Слишком слабые батарейки отдали все, что могли.

Зажав в кулаке клочок бумаги с координатами — их билет в будущее, — он сорвался с места и бегом бросился к Кириллу. Руки все еще била мелкая дрожь, а в головенабате стучала одна мысль. Перед ними открылся шанс. Единственный реальный шанс на то, что мир, каким он был до катастрофы, не исчез безвозвратно, и где-то там, за горизонтом, еще можно было *жить*, а не выживать.

II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.